

ВСЕМИРНЫЕ

ОДЕССКІЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

в мѣсяцъ "Юніонъ"
состоится
АНОНСЪВЪЗДѢЛЪНОВАЯ БИРЖА
Въ этомъ домѣ въ странѣСостоится въ Концертномъ Зданіи
Концертъ Мариі Ивановны ДолинойИзвестной артистки.
Всѣ билеты въ продажѣХ. К. Яцери
П. ЯцериГАЗЕТА ВСЕМИРНОГО КЛУБА
ОДЕССИТОВ

№ 2 (73).

Август. 2009 год.

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

«СЛУШАЙТЕ
СЮДА!»

Если об этом просит Саша Розенбойм, как всегда, чуть подняв указательный палец левой руки вверх, то поверьте моему опыту, а это ни много ни мало сорок три года сотрудничества, Сашу "таки да!" нужно слушать.

Мало кто в нашем городе так естественно говорит на "одесском языке", знает его не по литературным источникам, а изнутри, из дворов Малой Арнаутской, где он живет всю жизнь, из дворов Молдаванки, где жили его бесчисленные собеседники и герои его книг.

Одну из глав своей книги "Ришельевская симфония" он так и назвал: "Слушайте сюда!". И сколько в этой главе фраз, которые нельзя придумать, их можно только услышать. И навсегда запомнить. Как торговались на базаре: "Два рубля? Вы хорошо хотите". Как встречали в винных подвалчиках: "Попробуйте в натуральности шабских вин!". Как выносили окончательный приговор во дворе: "Он таки малахольный на всю голову!"...

Нет, не только этим владением языка Одессы славен Александр Розенбойм. Многознающий краевед, он десятки лет жизни посвятил тому, чтобы воссоздать подлинную историю литературной Одессы XX века, а не такой, какой в разные периоды, да и сегодня тоже, хотя ее видят чиновники от идеологии. Кто лучше, более полно знает сегодня одесские годы Эдуарда Багрицкого, Исаака Бабеля, Юрия Олеши... И все эти знания он не таил, а щедро выплескивал — вначале на страницы газет "Комсомольская искра", "Вечерняя Одесса", "Вестник региона", "Всемирные одесские новости", затем на страницы своих книг.

Горжусь тем, что первая публикация Александра Розенбойма — о герое купринского "Гамбринуса" Сашке-музыканте — проходила через мои руки, готовилась в созданный мной на страницах "Комсомольской искры" краеведческий клуб "Одессика". А в этом году у Александра Розенбойма вышла 15-я (!) книга — "Угол Екатерининской".

Понимаю, что в литературе, в журналистике он останется Ростиславом Александровым. И хоть это идеологическая издержка не самых благоприятных для творчества времен, но сотни статей, пятнадцать книг не переименуешь. Но, к счастью, сегодня его знают и по подлинному имени, и по литературному псевдониму, и это не вызывает сложностей в идентификации личности героя этой колонки.

В сентябре 2009 года Александру Юльевичу Розенбойму исполняется 70 лет. Он родился, когда Одессе — главной героине всех его книг — уже минуло 145 лет. Трудно представить себе другого человека, так сросшегося с легендой родного города. Расшифровывая мифы Одессы, он продолжает дело Александра де Рибаса, Константина Паустовского, Валентина Катаева, учит любить Вселенную, имя которой — Одесса.

Пятнадцать книг, сотни статей — это серьезный вклад в "Одессу", в историю литературного Юго-Запада. Но рано подводить итоги. Ростислав Александров порадует всех своих читателей Большой книгой о Бабеле. На это я надеюсь, в этом я уверен. К этой книге — отдельными статьями, разысканиями, находками — он идет уже полвека.

Так что, если кому-либо из вас Александр Розенбойм скажет: "Слушайте сюда!" — как бы вы ни спешили, остановитесь и слушайте. Ему есть что сказать. Не перебивайте его, не говорите ему: "Замолчи свой рот!". А пока прочитайте в этом номере газеты его статью "Профессор с Дерибасовской".

И, как говорили в Одессе, — "Таких вот дел!".

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

На фото Сергея Гевелюка — Александр Розенбойм

Во "Всемирных одесских новостях" № 72 на странице 13 в 4-й колонке моей статьи о Хармсе при публикации опущен большой фрагмент, в результате чего получилось, что стихи Хармса "Из дома вышел человек" (с фамилиями авторов — во множественном числе!) помещены в книге "Что это было?", опубликованы в учебнике с четырёхмиллионным тиражом, положены на музыку Никитины, использованы в спектакле по пьесе Нины Тернет "Принтипал" — все это совершенно неверно!

Следует читать (привожу предыдущий абзац из 4-й колонки, затем пропущенный текст, затем последующий абзац):

Слова "И с той поры исчез" попались на глаза кому-то из начальства и вызвали его благородное негодование: "В советской стране человек исчезнуть не может!" (это в 1937-м!), и не только "нам долго нельзя было печатать стихов, написанных Д.М. Хармсом" (Тернет), но и редакция "Чиж" была разогнана, и сама Н.В. Тернет была снята с заведования (об этом она умолчала).

"Чиж" сразу полинял. Из него исчезли стихи Хармса, рисунки Малаховского, в том числе Уная Мама, "Телефон Чиж", "Почта Чиж" и многое другое...

Но нельзя же оставить малышей совсем без веселых выдумок. И вот в "Чиж" появилось приложение для самых маленьких: "Красная Шапочка". Центральный двойной лист надо было вынуть, сложить вчетверо, разрезать, — и получилась маленькая книжечка.

Нина Тернет и об этой затее писала: "Не помню, кто был ее первым изобретателем (!). Идея сперва была скромная — книжка-самоделка. Читатели получали маленькую книжечку и радость от того, что сами ее сделали". Это в стиле Тернет: она знала, как важно дать малышу делать что-то самому. А раз так, то и книжечку эту надо было не просто читать:

"Потом нам показалось этого мало. Пусть каждая страничка-четвертушка заставит читателя поработать творчески — что-то разгадать, дорисовать, досочинить... Значит — надо для шестнадцати четвертушек шестнадцать новых выдумок. И вот для этого микрожурнальчика организуется целая редколлегия".

В этой полуподпольной редколлегии собирались целеустремленные выдумщики и изобретатели и отводили души; здесь опять всыхивали искры былой творческой атмосферы. Как пишет Тернет: "Работали с радостью. Пропустить заседание — значило лишиться себя большого удовольствия". Большинство выдумок шло в "Красной Шапочке" без подписи, и именно там, в обход запрета, печатались стихи Хармса. Первые были, кажется, написанные вместе с Н. Тернет "загадочные стихи" (надо было строки закончить в рифму):

Я захотел устроить бал,

И я гостей к себе... и т. д.

Потом эти стихи были напечатаны в книге "Даниил Хармс. Что это было?" ("Малыш", 1967), с открыто названными фамилиями авторов.

В сравнительно недавние годы эти стихи как классические были включены в школьный учебник тиражом 4 миллиона экземпляров; Никитины положили их на музыку... А Тернет использовала их в своей последней большой

пьесе "Принтипал" — спектакле для детей по стихам Хармса.

И далее по газетному тексту.

Прощу извинить за эту путаницу: текст печатался без авторской корректуры.

**Э. ТЕРНЕТ,
2.04.2009.**

Редакция приносит извинения автору и читателям за возникшую двусмысленность при сокращении текста.

С интересом прочел записки гимназиста. Владимир серьезно занялся Лятой одесской гимназией. Мое мнение — история этой гимназии заслуживает полного описания. Я надеюсь, что это будет сделано.

Естественно, я вновь обращаю внимание Владимира, извинившись за назойливость, на уголок Ваксмана в музее гимназии.

Я очень признателен Всемирному клубу одесситов, его руководству и авторам публикации за очень интересное освещение истории Одессы и одесситов. Многие публикации раскрывают неизвестные нам эпизоды жизни одесситов, которых мы знали сами и из рассказов членов нашей семьи.

Вольф Шнайман

Живу в Питере уже 10 лет, хотя прописан пока еще на Тастово, 4, в Одессе в своем доме. Хотел бы быть принятым в виртуальные члены Всемирного клуба одесситов. Родился я 1 апреля, сейчас мне 40 лет. Окончил юрфак ОГУ в 1995 году. Служил в спецназе ВДВ в Афганистане. В данный момент учредитель и директор своего пищевого производства.

Хотел проявить инициативу по открытию филиала ВКО в Санкт-Петербурге, но так как уже есть такой инициатор, то готов с радостью присоединиться к этому проекту. Думаю, совместными усилиями у нас получится это лучше и быстрее, тем более есть оригинальные решения для этого.

**Сергей Тейченко
mirved_gs@mail.ru**

Мои родные одесситы!

Молодцы, что объединяете всех сынов и дочерей Ее Величества Одессы. Очень скучаю по вам и моему городу. Благослови вас Бог, и не забудьте обо мне, когда Он это сделает. Я родился в Одессе в 1945, и мой пра-пра-прадед родился в Одессе.

Искренне ваш,

**Б. Тодунов, Южная Африка
bog@telkomsa.net**

Берлинский клуб одесситов имени Юрия Курянского благодарит всех, кто прислал свои поздравления в связи с восьмилетием со дня основания клуба и желает одесситам всех стран достойно и в здравии встретить 215-ю годовщину величавости любимого города!

Уважаемые члены клуба одесситов, подскажите, пожалуйста, возможно ли приобрести книгу "Одесский Сатирик, или История Одессы от шутки до шутки"? Если да, то как

и где это можно сделать? Я бы хотела подарить эту книгу своей знакомой, которая очень интересуется историей Одессы. Думаю, ей бы понравилось такое "одесское" изложение фактов из истории города. Да и для себя не отказалась бы приобрести экземпляр.

**С уважением, Лина,
Одесса**

Винница просит помощи

Уважаемый Клуб! Я музыковед, занимающийся музыкальной региональностью. В данный момент изучаю музыкальную историю нашего Винницкого театра, основоположницей, строительницей и антрепренером которого с 1909 года вплоть до гражданской войны была Татьяна Лентовская, жена скульптора Бориса Эдуардса. В нашем архиве практически ничего нет о ее происхождении, образовании, нет дат рождения и смерти. Мы не знаем, почему она уехала из Одессы от мужа и стала заниматься именно Винницким театром. Куда она попала после революции? Не связана ли она кровными узами со знаменитыми театральными деятелями Москвы и Петербурга Михаилом и Анной Лентовскими? Может быть, в Клубе есть люди, которые смогут мне помочь? Благодарю заранее за ответ. С уважением,

**Катя Наталья Николаевна
luchano@inbox.ru**

К сожалению, я не одесситка, но значительная часть моей жизни прошла в этом городе городов. Привозили меня на лето к бабушке на улицу лейтенанта Шмидта, 3 (если не ошибаюсь, бывшая Земская). Здесь начиналось для меня волшебство неповторимой жизни в городе чудес Одессе. До сих пор помню и никогда не забуду звуки и запахи двора (не смеяться, — даже мусор пах по-особому! — хотя я и имею в виду не мусор). Этот ежегодный месяц в Одессе был как сон, и проспать-ся не хотелось... но пришлось.

И вот нет уже давно родных и близких, и знакомых... и город — другой, и я — далеко, и далеко не ребенок: ничего не поделаешь — закон жизни (или физики?). Не буду обсуждать, насколько мгновенно этот закон срабатывает.

В надежде снова увидеть родные душе места прошматриваю фото города. Жаль, что большей частью фото безликие, но понимаю, как это трудно — описать или хотя бы подписать каждый снимок. В галерее "Одесса сегодня глазами Александра Лесика" на странице 2 фото "Сказать, чтоб услышали..." мне показалось знакомым, ну очень похожим на бабушкин подъезд! Плак и тянет пройти через изображение в конец двора и увидеть, что там осталось все, как и было в золотое время 60-70-х годов...

Квартира моей бабушки (2 комнаты) находилась в левой дальнем углу двора на первом этаже. Входная дверь находилась в как бы пристройке к зданию. За ней был двориковый туалет (всегда идеально чистый) с журчащим ручейком воды, текущей для бетонному полу, неизвестно откуда. Мне очень хотелось бы, чтобы ничего не изменилось за всю эту прошедшую вечность... но кто знает?..

Есть ли возможность связаться с автором

фото? Возможно, он сможет ответить, по какому адресу сделано фото. И если чудеса еще случаются, возможно, он согласится сделать для меня фото двора моей бабушки Милы.

Пожалуйста, хочу спросить: реально ли увидеть где-то фото кладбищ и списки похороненных? Может, мне удалось бы найти родные могилы, особенно моего репрессированного в 1946 году дедушки, о судьбе которого ничего мне не известно.

Спасибо за вашу работу и время.

**С уважением, Лариса
mschance@mail.ru**

Бесконечно вам благодарна. Да, это двор моей бабушки, но какой же он теперь маленький! И абсолютно безжизненный... как декорация к спектаклю моего детства. Куда девались люди, жители?! Где сохнувшее на беревах белье? Насколько мне удалось рассмотреть сквозь прутья ограды, теперь вместо входной бабушкиной двери — окно.

Спасибо за путешествие во времени.

Я читаю ваш сайт при каждой возможности. Я нахожу там все, что мне необходимо для существования (духовного?). Потому что с существованием физическим у меня все в порядке, как и у многих, кто живет в Америке. Меня занесло — аж! — в Мериленд, Колумбия, откуда и шлю вам наилучшие пожелания.

Лариса

Здравствуйте!

Я очень хочу вступить в клуб одесситов. Хотя я и не одесситка, живу в Москве, но дело в том, что, по крайней мере, два поколения моих предков жили в Одессе, а в честь моего пра-пра-прадедушки Георгия (Егора) Ивановича Колонтаева в Одессе названа улица — Колонтаевская. Из записей деда я даже знаю, почему. Все Колонтаевы были морскими офицерами, участвовали во многих славных баталиях, служили честно и верно. За службу им было пожаловано херсонское имение, несколько деревень в Екатериновке — все это мой прадед Егор Егорович Колонтаев проиграл в карты в одесском морском клубе, вернувшись из кругосветки... Испугавшись гнева тестя — вице-адмирала (думаю, это Ратч Федор Иванович, служивший в Севастополе), прадед опять ушел в кругосветку, а семья, лишившись и дома в Одессе, и деревень, переехала к родным в Севастополь... Дед в Одессу не вернулся, но его сестра Наталья и ее дочь жили и умерли в Одессе.

**Елена Верченкова
frosma2007@mail.ru**

Здравствуйте!

Прощу вашей помощи в уточнении национальности родителей моей бабушки, которая родилась 10 января 1928 года в Одессе. Звали бабушку Клавдия Харитоновна Черненко (по мужу — Дроздова). К сожалению, как звали ее родителей, я не знаю. Поскольку бабушка имела внешность, типичную для еврейской национальности, то хотелось бы найти подтверждение этому факту.

**С уважением, Свиридова Наталья
Natal39@yandex.ru**

«Всемирные одесские новости» в сети Интернет:

www.odessitclub.org

Олег ГУБАРЬ

ПОЧЕМУ НЕОБХОДИМО УСТАНОВИТЬ
МЕМОРИАЛЬНУЮ ДОСКУ
Л.С. ПУШКИНУ В ОДЕССЕ?

Вопрос довольно курьезный. Но коль скоро им задаются, придется отвечать.

В 1823 году, находясь в Одессе, А.С. Пушкин посвятил младшему брату блистательную поэтическую миниатюру:

"Брат милый,
отроком расстался ты со мной —
В разлуке протекли
медлительные годы;
Теперь ты юноша —
и полною душой
Цветешь для радости,
для света, для свободы..."

"Милый брат, — писал Александр Сергеевич еще из Кишинева, — я виноват перед твоею дружбою, постарайся заглянуть вину мою длинным письмом и подробными рассказами". Далее — подробное описание вояжа по Кавказу и Тавриде, а позднее — пространное письмо о переезде в Одессу. В годы южной ссылки младший брат был первым помощником и конфиденциентом поэта: нередко улаживал его литературно-издательские дела в столице, выполнял различные поручения, в том числе пересылку книг и периодики, с ним Пушкин обсуждал текущие дела, свои и чужие тексты, переводы, наставлял брата, делясь жизненным опытом, и т. д. С ним он бывал предельно откровенен, если знал наверняка, что письмо не перлюстрируется. Именно брату Пушкин, например, доверительно рассказывал о намерении подать прошение об отставке, о контактах с М.С. Воронцовым и проч.

Обладавший исключительной памятью, Лев Пушкин знал наизусть буквально все произведения брата, в том числе наброски, варианты, версии, реплики. Он сообщил много бесценной информации П.В. Анненкову, М.Н. Лонгинову, Б.М. Маркевичу, Я.П. Полонскому, и эти воспоми-

нения опубликованы. П.А. Вяземский когда-то написал, что со смертью Л.С. Пушкина "погребены многие стихотворения брата его не изданные, даже и не записанные..."

Сейчас время такое — русскую литературу преподают в школе как раздел зарубежной, и мне могут возразить: все это лирика, чего ради увековечивать память Льва Пушкина в Одессе? Только из почтения к его старшему брату? Так нам эти "старшие братья" — комом в горле. Коль скоро для рассуждающих подобным образом персонажей аргументов недостаточно, приведу другие, быть может, более весомые в данном контексте. Все дело в том, что Лев Сергеевич Пушкин все последние годы жизни, без малого десятилетия, верой и правдой служил Одессе непосредственно — как гражданин, как чиновник, как культуртрегер, и снискал колоссальное уважение в городе. Но — обо всем по порядку.

Я мог бы, конечно, сослаться на опубликованные материалы, однако предпочел для большей убедительности обратиться к историческим первоисточникам, прежде всего, к документам из Государственного архива Одесской области. В фонде Одесской портовой таможни хранится несколько дел, содержащих полные сведения о государственной службе Л.С. Пушкина. Из его "формулярных списков" разных лет узнаем: 26 октября 1843 года он определен чиновником Санкт-Петербургской таможни "для познания дел с прикомандированием к Одесской портовой (таможне). — О. Г." для исправления должности сверхштата". 11 ноября того же года "переименован в коллежские асессоры", а 9 мая 1848 года произведен в надворные советники.

До самой своей кончины, последовавшей 19 июля 1852 года, Лев Сергеевич служил в Одесской портовой таможне, некоторое время, впрочем, прослужив и в сухопутной (1844-1845 гг.). Здесь уместно упомянуть о том, что до 1842 года он, в основном, пребывал в войсках, участвовал в ряде военных кампаний, дослужился до майора, неоднократно поощрялся и награждался за

отвагу — кавалер орденов Станислава 3-й степени, Владимира 4-й степени с бантом, Анны 3-й степени с бантом и 4-й степени за храбрость, получил серебряные медали за персидскую и турецкую войны, польский знак отличия за военные достоинства. За годы служения в одесской таможне многократно награждался и поощрялся, в том числе "денежными награждениями" и чинами.

Служба в таможне в годы порто-франко считалась одной из самых значимых, ответственных, престижных. И не зря чиновники, сотрудники этой институции, обязаны были обладать незапятнанной репутацией, не зря они знатно поощрялись за безупречную самоотверженную службу. Расхожее мнение, будто порто-франко не знало таможенных пошлин, — блеф. Пошлины взимались, однако были значительно ниже, чем в портах с традиционным таможенным режимом — 1/5 — 2/5. И этот "урезанный" таможенный сбор давал 75-80%, а то и больше всех доходов города! Другими словами, сотрудники таможни непосредственно способствовали наполнению городского бюджета. И именно за это неоднократно награждался Л.С. Пушкин! Разве не заслуга перед Одессой, по существу, жившей и строившейся за счет таможенных сборов?

Однако пойдём дальше. Не только на государственной службе проявил себя "брат милый". Достойный всякого доверия современник пишет о том, что "Лев Сергеевич Пушкин пользовался в свое время большим влиянием на общественное мнение Одессы, как в деле искусства, так и в вопросах справедливости", что подобные ему люди "даже впоследствии, несмотря на перемену обстоятельств, до конца своей жизни сохранили свободу слова и мнений, и свой авторитет". Л.С. Пушкин и его супруга, люди, прямо скажем, не слишком хорошо обеспеченные, тем не менее, участвовали в движении благотворительности и милосердия. В "Одесском вестнике" 1840-х годов есть публикации о пожертвованиях этой четы в пользу неимущих. Ко Льву Сергеевичу часто обращались в приватном порядке как к третьей-

скому судье, когда речь шла о различных спорах и "вопросах чести".

Редактор "Одесского вестника" Н.Г. Тройницкий сообщает: "Брат поэта, Лев Сергеевич Пушкин, был замечательно остроумный человек и феноменальной памяти. Он знал на память и превосходно читал все ходившие тогда в рукописи русские стихи. Он и познакомил автора (то есть Тройницкого. — О. Г.) с Гоголем". Тройницкий рассказывает, как Л.С. Пушкин повел его в карантин, в котором проходил положенную обсервацию Н.В. Гоголь, и здесь они общались на дистанции, разделенные несколькими проволочными решетками. Лев Сергеевич был самым близким Гоголю человеком в Одессе. "Гоголь не раз заходил к автору стихотворения (Тройницкому. — О. Г.) и Льву Сергеевичу, в дом Крамарева, на Дерибасовской, где они оба квартировали".

Дом купца М.А. Крамарева — предшественник "Пассажа", то есть он занимал то же "пятно" на углу Дерибасовской и Преображенской улиц. Это был огромный доходный дом, одно из самых обширных и величественных зданий старой Одессы — здесь бывал даже император Николай I, не говоря уже о новороссийских генерал-губернаторах. В самом конце позапрошлого столетия дом Крамарева (тогда он уже числился за Синицыными) сменил крупный торговый центр с гостиницей. Это и есть памятное место, связанное с пребыванием Льва Сергеевича Пушкина в Одессе. Здесь он прожил около девяти лет со своей супругой (с 1843 г.) Елизаветой Александровной Загряжской (1823-1898 гг.), здесь родились их дети — Ольга (21 сентября 1844 г.), Анатолий (17 марта 1846 г.), Мария (27 мая 1849 г.).

Летом 1852 года Лев Сергеевич Пушкин был погребен на Старом городском кладбище — главный вход со стороны улицы Преображенской. В одном из одесских справочников 1920-х годов еще упоминается его могила. Во второй половине 1930-х этот старейший одесский некрополь варварски разрушили.

Разумеется, было бы уместно установить памятную доску на стене Старого кладбища. Однако в последние годы постоянно дебаты-

руется вопрос о создании мемориала всем похороненным здесь одесситам. Предполагается установить стелы с именами лиц, захоронение которых здесь документально подтверждено. Впрочем, затянущиеся разговоры никак не приводят к конструктивному итогу. Поэтому сейчас целесообразно установить памятный знак Л.С. Пушкину на "Пассаже". Тем более что городу это ровно ничего не будет стоить.

Расходы берет на себя общественная организация — международный поэтический пушкинский фестиваль "Болдинская осень", регулярно собирающий в нашем городе десятки литераторов из дальнего и ближнего зарубежья, в лице его организатора Олега Борушко (штаб-квартира фестиваля находится в Лондоне, где также ежегодно проводятся пушкинские поэтические форумы). В перспективе мы предполагаем поэтапно установить добровольными пожертвованиями участников фестиваля памятные знаки на всех сохранившихся зданиях и сооружениях, связанных с пребыванием А.С. Пушкина в Одессе, — домах Феликса де Рибаса, Фундуклея, Кирьякова, Бларамберга, Давыдовых, Ферстера, Строительного комитета и др. Убежден, формирование такого "пушкинского маршрута" прибавит Одессе и славы, и имиджа, и, если хотите, практической выгоды (туризм).

P. S. Когда этот материал был уже подготовлен в печать, стало известно, что историко-топонимическая комиссия горисполкома отказала инициаторам в установке мемориальной доски Л.С. Пушкину. Воистину: чудны дела твои, Одесса... А между тем Олег Борушко специально приехал из Лондона: начинается подготовительный этап предстоящего фестиваля. Ох и удивятся цивилизованные гости города вопиющей мудрости местных бюрократов! Да, пожалуй, и призадумаются: а стоит ли вообще ездить в столь "приветливое" место? Еще и другим отсоветует. К этому ли мы стремимся?... Остается уповать на то, что Всемирный клуб одесситов поддержит нашу инициативу, и тогда здравый смысл восторжествует.

ТРАВА ЗАБВЕНИЯ
У СВЯТОГО КОЛОДЦА

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

В очередной раз тревожные известия пришли из Подмосквы, из Переделкино. Вновь предпринимается рейдерская атака на дачу, где жил и работал Валентин Катаев.

Именно здесь, у Святого колодца в Переделкино задумался он о том, что писать нужно иначе, более метафорично, образно... Из этих размышлений и родилась повесть "Святой колодец", положившая начало "мозвику" Валентина Катаева. Теперь, вспоминая названия повестей писателя, у этой дачи, у Святого колодца уже не метафорически, а реально — Трава забвения.

Я беседовал по телефону с внучкой Валентина Петровича — Тиной Катаевой. Она рассказывала, как нервничает бабушка — вдова писателя, а ей 95 лет... Не дают спокойно дожить жизнь в обустроенном гнезде. А ведь право на дачу дает

и то, что члены Союза писателей — и покойный отец Тины Катаевой поэт Арон Вергелис, и живущий сын В.П. Катаева Павел, да и сама Тина. Но неймется чиновникам Литфонда, когда можно будет за миллионы продать землю катаевской дачи.

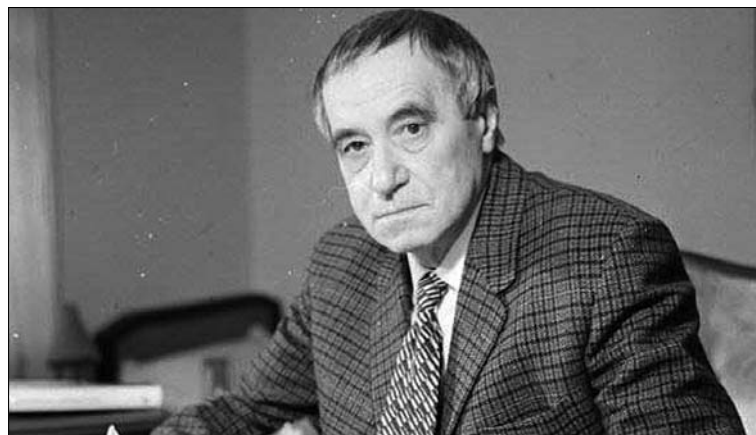
Конечно, мы теперь живем в разных государствах. Конечно, одесский отклик — не указ ни для Союза писателей России, ни для Литфонда. И все же хочется верить, что есть здравомыслящие люди, которые понимают, что самое ценное из того, что у нас осталось, это общее культурное пространство. И вот в этом мире без границ одесская литературная школа одинаково важна Одессе и Москве. Багрицкий и Бабель, Ильф и Петров, Олеша и Катаев — писатели не Украины или России. Это общее достояние наших народов, наших культур.

В Одессе есть переулок Катаева, мемориальная доска на доме, где он родился, памятник бессмертным героям повести "Белеет парус одинокий" Пете и Гаврику работы замечательного скульптора Николая Степанова.

А в Москве трава забвения у святого колодца.

Знаю, что могут возразить. Катаев — фигура неоднозначная, он по-разному вел себя в разных ситуациях. Когда исключали из Союза писателей Александра Галича, чуть ли не единственный он голосовал против, а когда из этого же Союза исключали Лидию Чуковскую, — голосовал "за". Да, он сам говорил, что сплавил в себе Моцарта и Сальери. И в результате — прекрасная проза последних десятилетий — от "Святого колодца" до "Уже написан Вертер".

Недавно в "Избранном" Семена

Липкина прочитал очерк "Катаев и Одесса". Для меня Липкин — голос совести нашего поколения. И если он приходит к выводу, что главное, что оставил Валентин Катаев, — это блестящая проза, а не свой характер, я верю Липкину!

Разговаривал с Михаилом Жванецким о В. Катаеве. Высочайшая оценка прозы. Внятное определение: классик.

Так, быть может, выполоть траву забвения в Переделкино? И создать еще один музей — музей В.П. Катаева, где найдут свое место и подержка Катаевым Осипа Мандельштама, и неприятие им Александра

Солженицына, и создание журнала "Юность", поддержавшего молодых шестидесятников, и членство в КПСС... Но главное, там будет реальный мир, в котором возникли книги, такие, как "Волшебный рог Оберона" "Алмазный мой венец", "Кладбище в Скулянах".

Музей писателя Валентина Катаева в Переделкино, уверен, необходим Одессе и Москве.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ,
вице-президент
Всемирного клуба одесситов,
редактор газеты
"Всемирные одесские новости"

Эдвиг АРЗУНЯН

ПАМЯТИ ОТЦА

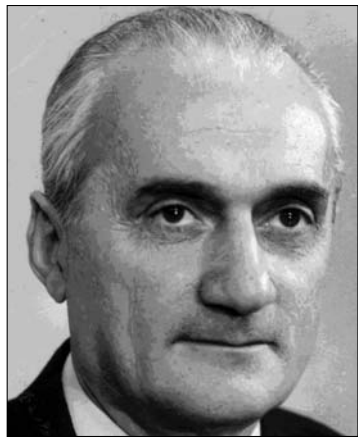
Беспартийность

4 июня — столетие со дня рождения моего отца Айрона Степановича Арзуняна. Хотя отца давно нет, я не могу написать "покойного отца", поскольку жив он или нет, достоверно никому неизвестно: 14 лет назад в 86-летнем возрасте он попросту ушел из дому и пропал без вести, — по выписке из решения суда, "признан безвестно отсутствующим".

Отец был видным специалистом нефтегазовой промышленности СССР, в любом конце страны на предприятиях этой отрасли его знали. Тем не менее, с его профессиональной известностью все было не так просто.

Дело в том, что он не занимал крупных административных должностей, и у него не было ученых степеней, — а был лишь авторитет, добытый незаурядными творческими и трудовыми достижениями. При чем что касается должностей и степеней, то его отнюдь не обходили ими, а как раз наоборот: он сам избегал их, то есть, по сути, был феноменом такого антикарьеризма.

Вообще, советские люди — те, кому посчастливилось не угодить в Гулаг, — делились на две основные касты: "высшую" — членов партии, и "низшую" — не членов. В партию охотно принимали рабочих, — чтобы симулировать ее пролетарский характер, менее охотно — колхозников. Для служащих же, включая и так называемую советскую интеллигенцию, "высшая каста" была почти недоступна, — за исключением тех избранных, которыми сама номенклатура собиралась пополнить свой состав. Часть таких служащих-счастливчиков, которые без комплексов, пользовались любой открывшейся возможностью "вступить" — ради зарплаты, должности, звания. Но небольшая прослойка, более нравственная, предпочитала не "вступать" — в ущерб зарплате, должности, званию, — не желая связывать себя со скомпрометировавшей себя партией. Именно к таким и относился мой отец.

А.С. Арзунян. Фото 1970-х годов

Именно поэтому большую часть своей долгой трудовой биографии он был не первым, а вторым руководителем учреждения: главным инженером СМУ, затем — завучем техникума. При нем многократно менялись начальники СМУ, директора техникума, — и руководители министерства каждый раз предлагали ему занять эти должности. Разумеется, срочно вступив в партию. Но он всегда увиливал от партии:

— Я еще не чувствую себя идеологически достаточно подкованным...

— Для меня это слишком большая ответственность...

Менее ценному работнику этого бы не простили, но ему всегда сходило с рук.

Тяга к знаниям

В 1905 г. мои дедушка и бабушка — Степан и Анна Арзруни (Арзуняны) — с маленьким старшим бра-

том отца на руках бежали из турецкого города Сивас в российский город Одессу. Здесь у них родилось еще пятеро детей, в том числе в 1909 г. — мой отец.

В своих незавершенных и неопубликованных мемуарах он писал:

"С трудом сводили концы с концами, особенно тяжело было в 1921 г.

Прохождение то здесь, то там падали от голода, но никто к ним не подходил, — потому что помочь было нечем. Вечером подводой собирали трупы.

Хлеб был редкостью, — в основном, ели макуху. Вместо обуви носили самодельные деревянные.

12-летним мальчиком со старшим братом и группой взрослых отправлялись через день на лиманы, чтобы добывать соль, а затем эту соль доставляли на станцию Сортировочная (у Лузановки), где меняли на продукты или продавали мешочникам, которые на крышах и в тамбурах вагонов отвозили ее вглубь страны, выменивая на крупы и другие продукты питания.

Когда ухудшилось положение с добычей соли (ее перестали покупать), мама продала серги и кольцо — и купили тачку, оборудованную деревянной бочкой, чтобы возить воду в районы города, куда вода не поступала: на Тираспольскую, Старопортофранковскую, Кузнечную, Дегтярную и др. Сначала бочки наполняли у дома № 1 по Красному переулку, потом — в порту.

В 14 лет я поступил разнорабочим на обувную фабрику "Покоф", а затем слесарем на металлообрабатывающий завод им. Г.И. Петровского. Чтобы попасть в вечернюю школу рабочей молодежи, стал на очередь (так тогда было) — и только через год получил путевку в школу на углу Толстого и Новосельской. Мои одноклассники были подготовлены значительно лучше, чем я, но это меня не обескуражило".

Отец никогда не говорил мне об этом, но теперь, переехав в Соединенные Штаты и познав на себе значимость языкового барьера, я представляю себе, как нелегко ему было учиться в русскоязычной Одессе, родившись и живя в семье с армянским языком общения. Но тяга к знаниям помогла преодолеть языковой барьер:

"После школы — рабфак, затем — институт (Теплотехнический факультет Одесского политехнического института. — Э. А.), дневное отделение. На протяжении всей учебы в институте где-то еще работал: грузчиком в порту, завхозом в пионерлагере, культработником в "Коопфото", воспитателем в общежитии.

Приятной общественной обязанностью было назначение меня в художественно-политический совет Украинского театра, который был тогда самым популярным в Одессе. Здесь познакомился с драматургом Микитенко, композитором Данкевичем и актерами: Шумским, Гнат-Юрой, Ужвий, Нярко, Мациевской, Дуклером и др.; но потом их перевели в Киевский театр им. Ивана Франко, после чего одесский украинский потерял свою популярность.

Затем был в совете Русского театра. Однажды мне посчастливилось увидеть здесь старого революционера Г.И. Петровского, который пожал нам руки и после небольшой беседы с нами выступил в зале театра с речью".

Смелая реконструкция

Хотя в целом отец дистанцировался от официальной идеологии первой страны социализма, но один из ее аспектов он воспринимал с энтузиазмом — индустриализацию как часть всемирной научно-технической революции. И в своей инженерной профессии он всегда был восторженным романтиком.

А началось все с дипломной работы в институте: "Наряду с традиционными, чисто учебными темами по тепловым электростанциям, появились и темы на реальной основе. Одна из них обсуждалась особенно оживленно: проект котельной для Одесского сталепрокатного завода им. Ф.Э. Дзержинского. Нужно было осуществить ряд исследований по определению потребности в паре на всех участках завода (пар был в ту пору основным энергоносителем для привода прокатных станов). Мои друзья настойчиво советовали мне не связываться с реальным проектированием, требующим исследований, а взять обычную тему по тепловой электростанции, по которой все данные можно найти в литературе. Чем больше мне советовали не брать реальную тему, тем сильнее было желание взять ее. И вот я получил в деканате соответствующее задание".

Пришлось тогда отцу — еще студенту — хорошо потрудиться, провести оригинальное исследование. Но в результате скептики были посрамлены: диплом был защищен на отлично.

Перечитывая сейчас это место в мемуарах отца, я вдруг вспомнил, что через три десятка лет после него я поступил аналогично: перед окончанием филфака университетом вопреки советам здравомыслящих друзей выбрал реальную и весьма рискованную тему "Поэзия Евгения Евтушенко". Но в отличие от отца, я в какой-то мере пострадал-таки от этого выбора.

Дело в том, что Евтушенко в разгар моей работы над темой в очередной раз попал в немилость у руководства страны. И по решению дипломной комиссии, мне в рекордные сроки, в течение двух недель, пришлось ударно накатать другую дипломную работу — уже по грамматике, чтобы больше не рисковать.

В общем, не зная тогда о поступке отца, я поступил, оказывается, аналогично... Гены?

Защитив диплом, отец сразу же получил назначение на "Дзержинку". Но авторитет английской фирмы "Мак-Никол", на чьих котлах работала "Дзержинка", был высок, — и поначалу дипломный проект отца на заводе восприняли лишь как учебную работу.

Но после двух поездок в Москву, в министерство (второй раз — уже с директором завода), отец добился, в конце концов, реализации своего проекта: "Предложение инженера было претворено в жизнь: водотрубная часть котла поднята над колосниковой решеткой на 1 метр. В результате увеличился объем топочного пространства, а следовательно, и теплопередача, повысилась производительность котла на 15-20% при том же расходе топлива. Внедрение рационализаторского предложения дало возможность уменьшить численность обслуживающего персонала" (Меркачев В., Коренцов Ф., Кривич Н., Френкель Л., Хорошенко И., "Стальные мускулы Дзержинки". — Одесса, Маяк, 1985, стр. 42). "Директор запропонував мені скласти розрахунок економічного ефекту для сплати мені винагороди, та я від грошей відмовився. Було мені тоді 27 років" (Арзунян А., "Як англійську фірму присоромили". Газета "Дзержинець", 18 января 1986 г.).

Все это происходило в 1937 году — году пика сталинских репрессий. И когда я уже был взрослым, отец рассказывал:

— Ректор индустриального института В.А. Добровольский как-то сказал в моем присутствии: "Ну, пошел третий тур...". Это сажали так

называемых инженеров-вредителей как врагов народа: сначала был первый тур — и на место посаженных назначили новых; потом пошел второй тур — посадили этих новых и назначили опять новых; а потом третий тур... Но после третьего тура сажать перестали: потому что годовой план завалили — и надо было срочно выправлять положение...

Как раз тогда — после третьего тура — отец и затеял реконструкцию котельной:

— И конечно, мне было страшно вато приниматься за реконструкцию, — говорил он, — ведь не было уверенности, что не начнется четвертый тур... Но я был молод, безрассуден...

А в 1941 г., перед самой войной, отца призвали на военную службу — младшим лейтенантом артиллерии. Но с началом войны как ценный специалист он получил бронь — и был назначен главным инженером СМУ нефтегазовой промышленности.

Дальнейшая карьера

Перечислю основные ее этапы:

1. В 1941 г. отец, мать и я эвакуировались в небольшой город Камбарку (Приуралье), где около года СМУ отца строило нефтебазу. В какой-то момент из Камбарки отец уезжал куда-то в длительную командировку, о которой он рассказывал лишь много лет спустя.

Оказывается, его переправили в осажденный Ленинград и привезли к А.А. Жданову, первому секретарю Ленинградского обкома партии. Тот повез его на замаскированный аэродром, на котором стояли истребители, не могущие взлететь в воздух из-за отсутствия бензина. Тянуть бензопровод по льду Ладоги под обстрелами было безумием, но отец вынужден был согласиться на это безумие. И бензопровод был построен: "Бензопровод диаметром 102 мм и протяженностью 29 км прокладывали по дну озера на глубине до 35 м. Он был сооружен за 43 дня — с 5 мая по 16 июня 1942 года. На восточном берегу озера построили две насосные станции, а на западном — резервуарные емкости и наливную эстакаду. Ежедневно трубопровод подавал 400-600 тонн топлива в Ленинград. В общей сложности было доставлено 47,4 тыс. тонн горючего, из них 32,7 тыс. тонн в 1942 году и 14,7 тыс. тонн в 1943 году. Бензопровод проработал без аварий более двадцати месяцев и отключен после снятия блокады" (Р.Н. Бахтизин, Б.Н. Мастобаев, А.Е. Сощенко, А.М. Шаммазов, "Трубопроводный транспорт России").

После Камбарки и Ленинграда — строительство нефтепровода "Саратов — Москва", "Дашава — Киев", "Рени — Плоешти"; строительство нефтебаз и крекинг-заводов: в Увекке, Вапнярке, Рени, Одессе, Херсоне и др. (по утверждению проектов строительства отец бывал на приеме

у Л.П. Берии — тогда заместителя И.В. Сталина в Государственном Комитете Обороны).

Надо сказать, что объекты нефтегазовой промышленности пользовались особым вниманием германской бомбардировочной авиации, — так что бронь у таких, как мой отец, отнюдь не была средством отсидеться в тиши тыла. Эти люди тоже были как бы на передовой, у них тоже происходили "потери живой силы и техники".

В 1944 г. Румыния капитулировала перед советскими войсками и стала платить Советскому Союзу репарации, часть из которых должна была идти нефтью. Для этого было решено построить нефтепровод "Рени — Плоешти".

Советский генерал военного подразделения, заинтересованно в этом нефтепроводе, пригласил отца к себе в кабинет и спросил:

— А можете вы построить нефтепровод без проектных чертежей?

— За такое грозит тюрьма, — ответил отец.

И генерал объяснил:

— Мы постоянно наращиваем количество военной техники в действующей армии, и горючего стало остро не хватать. Это тормозит наступление наших войск и увеличивает потери. Даже утвержденные уже рекордные сроки проектирования и согласований займут не менее трех месяцев... Дополнительные три месяца войны с недостатком горючего!

Для отца повторялась в какой-то мере ситуация, которая была за восемь лет до этого на одесской "Дзержинке": ради дела надо было рисковать головой.

— Я буду защищать вас во всех инстанциях... — обещал генерал.

Ясно было, что обещания обещаниями, но в случае неудачи, какой-нибудь серьезной аварии на будущем нефтепроводе — не сносить отцу головы.

Однако — 1944 год: уже чувствовалось дыхание Победы. И отца тоже захватил патриотический порыв.

...Проектные чертежи пришли в Рени, когда нефтепровод был уже построен и качал румынскую нефть в Советский Союз. Генерал получил очередной орден.

"К магистральному можно отнести проложенный в январе 1945 года сборно-разборный трубопровод протяженностью 225 км, диаметром 100 мм и с пропускной способностью 40 м³/ч. Он подавал горючее из района Плоешти (Румыния) на перевалочную нефтебазу в Рени (СССР). Горючее перегружали в железнодорожные цистерны и отправляли на фронт" (Р.Н. Бахтизин, Б.Н. Мастобаев, А.Е. Сощенко, А.М. Шаммазов, "Трубопроводный транспорт России").

Нет, в обыденной жизни отец отнюдь не был смельчаком — он был скорее слишком робок.

Но увлеченный своей инженерной профессией, он зачастую терял грань между риском творчества и риском личным. Благо инженерная удача всегда сопутствовала ему.

2. Реконструкция — во время

На крыше резервуара. А.С. Арзунян — слева. Вероятно, Херсонская нефтебаза, начало 50-х гг.

срочной командировки из Рени в Киев — здания Верховного Совета УССР после пожара в период оккупации.

"Благодаря выборочному обновлению металлоконструкций здание удалось ввести в строй гораздо раньше, чем предполагалось, без ущерба для прочности и внешнего вида. Кроме того, было сэкономлено 250000 рублей.

Потом передо мной поставили еще одну задачу — внести поправку в архитектурный облик здания. Так как оно на возвышении, то с ближайших улиц не было видно купола, — вот мне и предложили поднять его.

Поднимали восемь домкратов. После этого подставляли заранее изготовленные тумбы из труб диаметром 325 мм и приваривали их. Купол здания Верховного Совета вырос на 1 м 20 см" (Газета "Сталинский путь", орган Ренийского РК КП(б)У и райсовета депутатов трудящихся, 29 мая 1945 г.).

Через год отцом был аналогично реконструирован купол железнодорожного вокзала в Одессе.

3. Участие в качестве эксперта-нефтяника в комиссии по утверждению проекта нефтегавани Ильичевского порта.

Тут экспертиза отца предотвратила серьезную ошибку.

Проект предусматривал прием будущей нефтегаванью крупнейших на тот момент танкеров. Однако отец проинформировал комиссию, что на зарубежных верфях строятся уже супертанкеры, намного большей грузоподъемности. И если не исправить проект, то к моменту завершения строительства нефтегавань окажется устаревшей, не пригодной для их приема. Доводы отца были учтены, и хоть проект пришлось удорожить, зато конкурентоспособность нефтегавани была обеспечена.

4. Изобретательская деятельность.

Самое известное из его изобретений — резервуар с безмоментной кровлей для хранения нефтепродуктов, дававший большую экономию металла и вошедший в специальную литературу под названием "Резервуар Арзуняна".

В СССР было построено несколько таких резервуаров, а в Китае эта конструкция была принята как типовая, и таких резервуаров было построено сотни. Как и в эпизоде с "Дзержинкой", от возможного гонораара из Китая, до 100000 рублей, при тогдашнем курсе \$1=65 копеек, отец отказался (и пришлось ему лет десять копить деньги на первую свою автомашину — "Москвич-403").

Помню, несколько раз отцу предлагали работу в министерствах Москвы и Киева — причем в Киеве даже с квартирой на Крещатике (в Москве на первых порах пришлось бы снимать квартиру). Но будучи патриотом Одессы, а также из-за нежелания вступать в партию, он неизменно отказывался, продолжая свою линию антикарьеризма.

5. В 1955 г. отец завершил трехгодичную стационарную учебу в Академии нефтяной промышленности в Москве, со стипендией в размере зарплаты на последнем месте работы.

Выпускные экзамены в академии приравнялись к кандидатскому минимуму, а дипломная работа — к кандидатской диссертации. И по защите дипломной работы надо было потом отдельно пройти процедуру оформления и защиты ее уже как диссертации. И по своему обыкновению, отец отказался тратить еще несколько лет на рутинную диссертационную волокиту — причем в Москве, без квартиры, продолжая жить в разрыве с семьей, находившейся в Одессе.

Так в очередной раз он притормозил свою официальную карьеру.

6. Четверть века работы в Одесском техникуме газовой и нефтяной промышленности, ко-

торый при нем из небольшого учебного заведения превратился в крупнейший техникум Украины и один из крупнейших в Советском Союзе. Преподавательская деятельность и руководство учебной работой в качестве заместителя директора техникума, а также организационная работа по строительству двух девятиэтажных домов для работников техникума — первых домов будущей улицы Александра Невского будущего микрорайона Вузовский, в районе 5-7 станций Черноморской дороги.

7. Написание учебников: "Резервуары с безмоментной кровлей для хранения нефти и нефтепродуктов". — М., ЦНИИТЭ-нефть, 1956; "Учебное пособие для дипломного проектирования в техникумах (совместно с А.В. Громовым и И.И. Матецким)". — М. Недра, 1972; "Расчеты магистральных нефтегазопроводов и нефтебаз". — М., Недра, 1979; Сооружение нефтегазохранилищ (совместно с В.А. Афанасьевым и А.Д. Прохоровым). — М. Недра 1986.

Память о человеке

В 1989 г. отцу было 80 лет, и он был в хорошем для своего возраста физическом и психическом состоянии. Во всяком случае, на своей машине "Жигули" он отвез меня с женой в одесский грузовой порт и провез по порту к грузовому судну "Академик Благодаров", на котором мы и отчалили в Соединенные Штаты. А в Советском Союзе сохранять права на вождение автомобиля в таком возрасте мало кому удавалось.

Однако, живя уже в Нью-Йорке, я узнал, что в последний год жизни отец стал иногда терять память. Случалось, что он не мог найти дорогу домой, и его приводили чужие люди.

В 1995 г. его квартира была в его отсутствие ограблена, причем пропали и документы (наверно, для вписывания в них других фамилий и вклеивания других фотографий). А вскоре и сам он пропал без вести. И единственный документ, который сейчас есть у меня, — это решение суда о признании его "безвестно отсутствующим".

Два месяца назад я послал письма на имя директора Одесского техникума газовой и нефтяной промышленности, где отец проработал четверть века, и на имя мэра Одессы, в которой отец родился и пропал без вести на девятом десятке лет жизни, — с просьбой помочь в поисках документов его и о нем в архивах техникума и города. Но, увы, до сих пор я не получил ответа не только по обычной почте, но и по указанному мной в письмах имейлу.

Я просил о возможности хотя бы сделать ксерокопии того, что можно было бы найти (метрическое свидетельство, дипломы института и академии, трудовая книжка, авторские свидетельства на изобретения, автобиография и др.), — за такими ксерокопиями мог бы зайти кто-нибудь из проживающих в Одессе моих родственников или друзей. Но не только сами руководители, но и их канцелярии так и не ответили мне.

Человек пропал без вести... Но неужели он не оставил никакого следа ни в учреждении, где он работал, и которое, по сути, создал в течение четверти века, ни в родном городе, которому он был верен всю свою жизнь?

Тем более что хоть он и не был особой знаменитостью, — но не был и заурядным гражданином своего города.

P. S. Те из читателей, кто желает поделиться со мной воспоминаниями об А.С. Арзуняне, могут прислать их мне по адресу: edvig@narod.ru.

Ростислав АЛЕКСАНДРОВ

ПРОФЕССОР С ДЕРИБАСОВСКОЙ

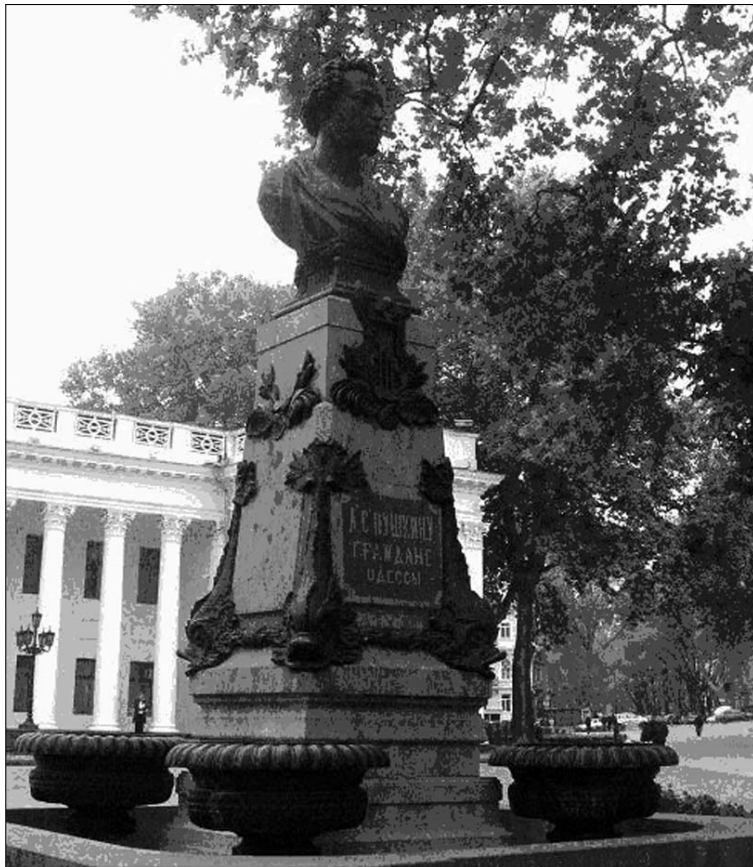
Ничего в нашей жизни не дается даром, за все нужно что-то платить, чем-то жертвовать, от чего-то отступаться. Тысячи лет люди, будь то деревянной палочкой по сырой глиняной дощечке, заостренной камышинкой на листьях папируса, кисточкой на пергаменте или гусиным, а потом стальным пером на бумаге, писали, как говорится, от руки. И только с появлением электрического, как его поначалу именовали, телеграфа, потом пишущих машинок, телетайпов, а в наши нетерпеливые времена компьютеров с принтерами и электронной почты рука человека все чаще и все дальше отрывается от бумаги, которая зачастую и вовсе оказывается ненужной. Но читать письмо, напечатанное даже самым что ни есть лазерным принтером, или то, которое написано рукою близкого человека, — это, как говорят в Одессе, две большие разницы. Написанное от руки способствует "эффекту контакта", поскольку почерк — такая же сугубо индивидуальная особенность каждого человека, как голос, походка, жестикация, и может повести даже о самом потаенном. "Понятно... что если каждая буква стоит отдельно, то обладатель почерка высокого о себе мнения, — утверждал Юрий Карлович Олеша. — В самом деле, даже в скорописи человек успевает бросить каждую букву отдельно, как бы помня о каждой, как бы очень ценя каждую..."

В давние годы хороший почерк, может быть, и не совсем заслуженно, так как не всегда зависит от человека, но считался одним из его несомненных достоинств. Известно, к примеру, что в молодые "дописательские" годы Александр Дюма получил место в канцелярии самого герцога Орлеанского исключительно благодаря своему великолепному почерку. И персонаж рассказа Шолом-Алейхеа "Родительские радости", характеризую своего зятя, подчеркивал, что у него "прекрасная голова на плечах, прекрасный почерк", то есть ставил почерк на одну доску с интеллектуальными способностями. Разным бывает почерк, в том числе некрасивым и, что много хуже, неразборчивым. Довелось мне когда-то буквально по буквам расшифровывать давнишнее, времен войны, письмо Ильи Григорьевича Эренбурга, который обычно печатал их на машинке, извиняясь и признаваясь в том, что свой почерк он и сам частенько не в состоянии разобрать. Я посетовал на свои мучения и показал это письмо тогда юристу Илье Вениаминовичу Шерешевскому, который сочувственно покачал головой и с эрудицией коренного одессита изрек: "Да, не было на него в молодости профессора Коссодо!"

Происходивший из мещан города Николаева, Адольф Исидорович Коссодо родился в 1861 году и в последнее десятилетие XIX века приобрел широкую известность. Много лет в одесских газетах и столичных журналах регулярно появлялось его оригинально набранное объявление: "КРАСИВО ПИСАТЬ изящным контурным шрифтом преподает ЛИЧНО И ЗАОЧНО (иногородним посредством переписки) А.И. КОССОДО, удостоившийся звания профессора КАЛЛИГРАФИИ в Париже и получивший за блестящее исправление почерков УЧЕНИКОВ И УЧЕНИЦ в 10 уроков золотую медаль и диплом на звание почетного члена Парижской и Берлинской академий искусств. Иногородние выучиваются заочно изящному и красивому почерку в 15 уроков. За 2 семикопеечные марки высылаются ПРОБНОЕ ПИСЬМО и подробные условия. Адрес: Одесса, Дерибасовская ул., дом Жульена, № 19, кв. № 9. Проф. каллиграфии А.И. Коссодо".

Будучи убежденным в том, что "любой почерк при добром желании, небольшом труде и запасе терпения можно исправить в короткое время", он разработал оригинальный метод исправления почерка, основанный, по его словам, "на законах эстетики, симметрии, педагогики и изящного вкуса".

Коссодо не был единственным, и тем более, первым каллиграфом в Одессе. Еще в 1827 году здесь объявился и "по всем правилам сей науки" на русском и французском языках давал уроки каллиграфии "известный французский чистописец Клавдий Арно", в одно время с Коссодо в Одессе держали "Курсы каллиграфии" Ш. Крук, Н. Непомнящий, И. Ходоров. Но профессор с Дерибасовской был, что называется, на виду всего города.

Он преподавал каллиграфию в разных учебных заведениях, в том числе в Императорском Новороссийском университете, где удостоился специального аттестата "За блестящее исправление дурных почерков", получал золотые медали и почетные дипломы на самых престижных международных выставках и участвовал в самых громких судебных процессах, где требовалось заключение эксперта-почерковеда. В книжных магазинах продавали его брошюры "Метод преподавания профессора Коссодо в Одессе" и "Помощь письменных наставлений и полное руководство к изучению каллиграфии", а в писчебумажных, как их тогда называли, — созданное им "фирменное" стальное перо "Коссодо" и слепок его правой кисти, фиксирующий нужное положение пальцев и ручки в процессе письма, что должно было "значительно облегчить задачу плохопишущего". Из книжек Коссодо многие одесситы узнавали о том, что есть разные типы почерка — каллиграфический, министерский, контурско-коммерческий, рондо, готик и другие. А 18-летний ученик одесского художественного училища Евгений Шумахер, которого угораздило сойтись с опустившимися до банального криминала местными анархистами, пытался было устроить модную тогда, в 1907 году, "экспроприацию" в квартире Коссодо.

Он умер от аполексии пятидесяти шести лет от роду, его хоронили морозным и метельным январским днем 1917 года, и один бойкий одесский журналист в избытке эмоций написал в некрологе, что "профессор каллиграфии Коссодо поставил свою последнюю точку в жизни". За его гробом, как тогда было принято, до самого кладбища шла спешно приехавшая из Петербурга дочь, сестра, два брата, множество других родственников, друзья, коллеги, благодарные ученики и местные шахматисты, поскольку покойный когда-то изрядно поднапорел и в этом искусстве. Часть состояния А.И. Коссодо согласно завещания обратили на нужды благотворительности, остальное было разделено между близкими.

А вскоре произошла Февральская революция, потом разразился октябрьский переворот, и для того чтобы выписывать мандаты на реквизиции или подписывать смертные приговоры красивый почерк вовсе не был обязателен. И когда глухой ночью 1937 года люди с Маразлиевской пришли за племянником профессора, бывшим присяжным поверенным Виктором Германовичем Коссодо, ему, конечно, совершенно все равно было, каким почерком выписан ордер на его арест.

Вихри горестных событий, казалось, навсегда замели следы профессора каллиграфии Коссодо на нашей грешной земле, и 2-е еврейское кладбище, где его похоронили, было варварски уничтожено. Но... в довоенной повести "Белеет парус одинокий" и в сочиненной уже на излете жизни книге "Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона" Валентин Катаев написал о запомнившихся ему с далеких гимназических времен перьях "коссодо", а Лев Славин, перечисляя черты и черточки старой Одессы, вспомнил его в своем романе "Наследник". И на памятнике Александру Сергеевичу Пушкину, что на Приморском бульваре, "каменные автографами" уже второе столетие остаются врезанные в гранит надписи, исполненные по безвозмездно выполненным эскизам архитектора Юрия Дмитренко и каллиграфа Адольфа Коссодо.

срочной командировки из Рени в Киев — здания Верховного Совета УССР после пожара в период оккупации.

"Благодаря выборочному обновлению металлоконструкций здание удалось ввести в строй гораздо раньше, чем предполагалось, без ущерба для прочности и внешнего вида. Кроме того, было сэкономлено 250000 рублей.

Потом передо мной поставили еще одну задачу — внести поправку в архитектурный облик здания. Так как оно на возвышении, то с ближайших улиц не было видно купола, — вот мне и предложили поднять его.

Поднимали восемь домкратов. После этого подставляли заранее изготовленные тумбы из труб диаметром 325 мм и приваривали их. Купол здания Верховного Совета вырос на 1 м 20 см" (Газета "Сталинский путь", орган Ренийского РК КП(б)У и райсовета депутатов трудящихся, 29 мая 1945 г.).

Через год отцом был аналогично реконструирован купол железнодорожного вокзала в Одессе.

3. Участие в качестве эксперта-нефтяника в комиссии по утверждению проекта нефтегавани Ильичевского порта.

Тут экспертиза отца предотвратила серьезную ошибку.

Проект предусматривал прием будущей нефтегаванью крупнейших на тот момент танкеров. Однако отец проинформировал комиссию, что на зарубежных верфях строятся уже супертанкеры, намного большей грузоподъемности. И если не исправить проект, то к моменту завершения строительства нефтегавань окажется устаревшей, не пригодной для их приема. Доводы отца были учтены, и хоть проект пришлось удорожить, зато конкурентоспособность нефтегавани была обеспечена.

4. Изобретательская деятельность.

Самое известное из его изобретений — резервуар с безмоментной кровлей для хранения нефтепродуктов, дававший большую экономию металла и вошедший в специальную литературу под названием "Резервуар Арзуняна".

В СССР было построено несколько таких резервуаров, а в Китае эта конструкция была принята как типовая, и таких резервуаров было построено сотни. Как и в эпизоде с "Дзержинкой", от возможного гонораара из Китая, до 100000 рублей, при тогдашнем курсе \$1=65 копеек, отец отказался (и пришлось ему лет десять копить деньги на первую свою автомашину — "Москвич-403").

Помню, несколько раз отцу предлагали работу в министерствах Москвы и Киева — причем в Киеве даже с квартирой на Крещатике (в Москве на первых порах пришлось бы снимать квартиру). Но будучи патриотом Одессы, а также из-за нежелания вступать в партию, он неизменно отказывался, продолжая свою линию антикарьеризма.

5. В 1955 г. отец завершил трехгодичную стационарную учебу в Академии нефтяной промышленности в Москве, со стипендией в размере зарплаты на последнем месте работы.

Выпускные экзамены в академии приравнивались к кандидатскому минимуму, а дипломная работа — к кандидатской диссертации. И по защите дипломной работы надо было потом отдельно пройти процедуру оформления и защиты ее уже как диссертации. И по своему обыкновению, отец отказался тратить еще несколько лет на рутинную диссертационную волокиту — причем в Москве, без квартиры, продолжая жить в разрыве с семьей, находившейся в Одессе.

Так в очередной раз он притормозил свою официальную карьеру.

6. Четверть века работы в Одесском техникуме газовой и нефтяной промышленности, ко-

торый при нем из небольшого учебного заведения превратился в крупнейший техникум Украины и один из крупнейших в Советском Союзе. Преподавательская деятельность и руководство учебной работой в качестве заместителя директора техникума, а также организационная работа по строительству двух девятиэтажных домов для работников техникума — первых домов будущей улицы Александра Невского будущего микрорайона Вузовский, в районе 5-7 станций Черноморской дороги.

7. Написание учебников: "Резервуары с безмоментной кровлей для хранения нефти и нефтепродуктов". — М., ЦНИИТЭ-нефть, 1956; "Учебное пособие для дипломного проектирования в техникумах (совместно с А.В. Громовым и И.И. Матецким)". — М. Недра, 1972; "Расчеты магистральных нефтегазопроводов и нефтебаз". — М., Недра, 1979; Сооружение нефтегазохранилищ (совместно с В.А. Афанасьевым и А.Д. Прохоровым). — М. Недра 1986.

Память о человеке

В 1989 г. отцу было 80 лет, и он был в хорошем для своего возраста физическом и психическом состоянии. Во всяком случае, на своей машине "Жигули" он отвез меня с женой в одесский грузовой порт и провез по порту к грузовому судну "Академик Благодаров", на котором мы и отчалили в Соединенные Штаты. А в Советском Союзе сохранять права на вождение автомобиля в таком возрасте мало кому удавалось.

Однако, живя уже в Нью-Йорке, я узнал, что в последний год жизни отец стал иногда терять память. Случалось, что он не мог найти дорогу домой, и его приводили чужие люди.

В 1995 г. его квартира была в его отсутствие ограблена, причем пропали и документы (наверно, для вписывания в них других фамилий и вклеивания других фотографий). А вскоре и сам он пропал без вести. И единственный документ, который сейчас есть у меня, — это решение суда о признании его "безвестно отсутствующим".

Два месяца назад я послал письма на имя директора Одесского техникума газовой и нефтяной промышленности, где отец проработал четверть века, и на имя мэра Одессы, в которой отец родился и пропал без вести на девятом десятке лет жизни, — с просьбой помочь в поисках документов его и о нем в архивах техникума и города. Но, увы, до сих пор я не получил ответа не только по обычной почте, но и по указанному мной в письмах имейлу.

Я просил о возможности хотя бы сделать ксерокопии того, что можно было бы найти (метрическое свидетельство, дипломы института и академии, трудовая книжка, авторские свидетельства на изобретения, автобиография и др.), — за такими ксерокопиями мог бы зайти кто-нибудь из проживающих в Одессе моих родственников или друзей. Но не только сами руководители, но и их канцелярии так и не ответили мне.

Человек пропал без вести... Но неужели он не оставил никакого следа ни в учреждении, где он работал, и которое, по сути, создал в течение четверти века, ни в родном городе, которому он был верен всю свою жизнь?

Тем более что хоть он и не был особой знаменитостью, — но не был и заурядным гражданином своего города.

P. S. Те из читателей, кто желает поделиться со мной воспоминаниями об А.С. Арзуняне, могут прислать их мне по адресу: edvig@narod.ru.

Ростислав АЛЕКСАНДРОВ

ПРОФЕССОР С ДЕРИБАСОВСКОЙ

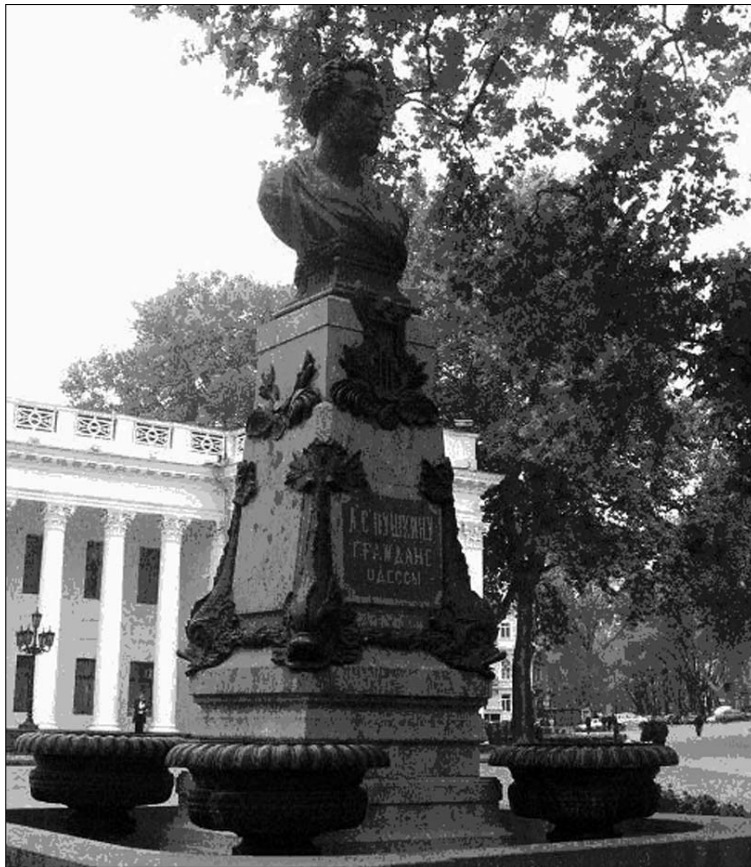
Ничего в нашей жизни не дается даром, за все нужно что-то платить, чем-то жертвовать, от чего-то отступаться. Тысячи лет люди, будь то деревянной палочкой по сырой глиняной дощечке, заостренной камышинкой на листьях папируса, кисточкой на пергаменте или гусиным, а потом стальным пером на бумаге, писали, как говорится, от руки. И только с появлением электрического, как его поначалу именовали, телеграфа, потом пишущих машинок, телетайпов, а в наши нетерпеливые времена компьютеров с принтерами и электронной почты рука человека все чаще и все дальше отрывается от бумаги, которая зачастую и вовсе оказывается ненужной. Но читать письмо, напечатанное даже самым что ни есть лазерным принтером, или то, которое написано рукою близкого человека, — это, как говорят в Одессе, две большие разницы. Написанное от руки способствует "эффекту контакта", поскольку почерк — такая же сугубо индивидуальная особенность каждого человека, как голос, походка, жестикация, и может повести даже о самом потаенном. "Понятно... что если каждая буква стоит отдельно, то обладатель почерка высокого о себе мнения, — утверждал Юрий Карлович Олеша. — В самом деле, даже в скорописи человек успевает бросить каждую букву отдельно, как бы помня о каждой, как бы очень ценя каждую..."

В давние годы хороший почерк, может быть, и не совсем заслуженно, так как не всегда зависит от человека, но считался одним из его несомненных достоинств. Известно, к примеру, что в молодые "дописательские" годы Александр Дюма получил место в канцелярии самого герцога Орлеанского исключительно благодаря своему великолепному почерку. И персонаж рассказа Шолом-Алейхеа "Родительские радости", характеризую своего зятя, подчеркивал, что у него "прекрасная голова на плечах, прекрасный почерк", то есть ставил почерк на одну доску с интеллектуальными способностями. Разным бывает почерк, в том числе некрасивым и, что много хуже, неразборчивым. Довелось мне когда-то буквально по буквам расшифровывать давнишнее, времен войны, письмо Ильи Григорьевича Эренбурга, который обычно печатал их на машинке, извиняясь и признаваясь в том, что свой почерк он и сам частенько не в состоянии разобрать. Я посетовал на свои мучения и показал это письмо тогда юристу Илье Вениаминовичу Шерешевскому, который сочувственно покачал головой и с эрудицией коренного одессита изрек: "Да, не было на него в молодости профессора Коссодо!"

Происходивший из мещан города Николаева, Адольф Исидорович Коссодо родился в 1861 году и в последнее десятилетие XIX века приобрел широкую известность. Много лет в одесских газетах и столичных журналах регулярно появлялось его оригинально набранное объявление: "КРАСИВО ПИСАТЬ изящным контурским шрифтом преподает ЛИЧНО И ЗАОЧНО (иногородним посредством переписки) А.И. КОССОДО, удостоившийся звания профессора КАЛЛИГРАФИИ в Париже и получивший за блестящее исправление почерков УЧЕНИКОВ И УЧЕНИЦ в 10 уроков золотую медаль и диплом на звание почетного члена Парижской и Берлинской академий искусств. Иногородние выучиваются заочно изящному и красивому почерку в 15 уроков. За 2 семикопеечные марки высылаются ПРОБНОЕ ПИСЬМО и подробные условия. Адрес: Одесса, Дерибасовская ул., дом Жульена, № 19, кв. № 9. Проф. каллиграфии А.И. Коссодо".

Будучи убежденным в том, что "любой почерк при добром желании, небольшом труде и запасе терпения можно исправить в короткое время", он разработал оригинальный метод исправления почерка, основанный, по его словам, "на законах эстетики, симметрии, педагогики и изящного вкуса".

Коссодо не был единственным, и тем более, первым каллиграфом в Одессе. Еще в 1827 году здесь объявился и "по всем правилам сей науки" на русском и французском языках давал уроки каллиграфии "известный французский чистописец Клавдий Арно", в одно время с Коссодо в Одессе держали "Курсы каллиграфии" Ш. Крук, Н. Непомнящий, И. Ходоров. Но профессор с Дерибасовской был, что называется, на виду всего города.

Он преподавал каллиграфию в разных учебных заведениях, в том числе в Императорском Новороссийском университете, где удостоился специального аттестата "За блестящее исправление дурных почерков", получал золотые медали и почетные дипломы на самых престижных международных выставках и участвовал в самых громких судебных процессах, где требовалось заключение эксперта-почерковеда. В книжных магазинах продавали его брошюры "Метод преподавания профессора Коссодо в Одессе" и "Помощь письменным наставлений и полное руководство к изучению каллиграфии", а в писчебумажных, как их тогда называли, — созданное им "фирменное" стальное перо "Коссодо" и слепок его правой кисти, фиксирующий нужное положение пальцев и ручки в процессе письма, что должно было "значительно облегчить задачу плохопишущего". Из книжек Коссодо многие одесситы узнавали о том, что есть разные типы почерка — каллиграфический, министерский, контурско-коммерческий, рондо, готик и другие. А 18-летний ученик одесского художественного училища Евгений Шумахер, которого угораздило сойтись с опустившимися до банального криминала местными анархистами, пытался было устроить модную тогда, в 1907 году, "экспроприацию" в квартире Коссодо.

Он умер от аполексии пятидесяти шести лет от роду, его хоронили морозным и метельным январским днем 1917 года, и один бойкий одесский журналист в избытке эмоций написал в некрологе, что "профессор каллиграфии Коссодо поставил свою последнюю точку в жизни". За его гробом, как тогда было принято, до самого кладбища шла спешно приехавшая из Петербурга дочь, сестра, два брата, множество других родственников, друзья, коллеги, благодарные ученики и местные шахматисты, поскольку покойный когда-то изрядно поднапорел и в этом искусстве. Часть состояния А.И. Коссодо согласно завещания обратили на нужды благотворительности, остальное было разделено между близкими.

А вскоре произошла Февральская революция, потом разразился октябрьский переворот, и для того чтобы выписывать мандаты на реквизиции или подписывать смертные приговоры красивый почерк вовсе не был обязателен. И когда глухой ночью 1937 года люди с Маразлиевской пришли за племянником профессора, бывшим присяжным поверенным Виктором Германовичем Коссодо, ему, конечно, совершенно все равно было, каким почерком выписан ордер на его арест.

Вихри горестных событий, казалось, навсегда замели следы профессора каллиграфии Коссодо на нашей грешной земле, и 2-е еврейское кладбище, где его похоронили, было варварски уничтожено. Но... в довоенной повести "Белеет парус одинокий" и в сочиненной уже на излете жизни книге "Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона" Валентин Катаев написал о запомнившихся ему с далеких гимназических времен перьях "коссодо", а Лев Славин, перечисляя черты и черточки старой Одессы, вспомнил его в своем романе "Наследник". И на памятнике Александру Сергеевичу Пушкину, что на Приморском бульваре, "каменные автографами" уже второе столетие остаются врезанные в гранит надписи, исполненные по безвозмездно выполненным эскизам архитектора Юрия Дмитренко и каллиграфа Адольфа Коссодо.

Анатолий ГОРБАТЮК

ЯЗЫК МОЙ — ДРУГ МОЙ!

ГЛАВА ИЗ НОВОЙ КНИГИ "ТАМ ХОРОШО, ГДЕ... ЗАПИСКИ БЫВШЕГО ЭМИГРАНТА"

Великий Жан-Батист Поклен, более известный, впрочем, как Мольер, заметил, что слово дано человеку, чтобы выражать свои мысли. Итальянский же дипломат и писатель Николо Макиавелли, наоборот, доказывает, что язык дан человеку, чтобы мысли эти тщательно скрывать. А вот проживающий в США публицист Юрий Борин утверждает, что "...независимо от целей и намерений, говорить в любом случае надо. Не молчать. Не мычать. Не размахивать зря руками. Иначе тебя неправильно поймут и неверно истолкуют. В общем, человечество все время помаленьку прогрессировало в области языкознания. Вплоть до того момента, когда появилась новая наука — *обсценология* (курсив мой. — А. Г.)". Не знаю, представляет ли читатель, что это за штука такая, но скажу честно: если б не эрудированный американец поймёт и неверно истолкуют, что русский мат возник в незапамятные, почти доисторические времена. Точнее, в эпоху татаро-монгольского ига. Однако долгое время матерные слова и выражения не были в центре всеобщего внимания. Считалось, что это язык пьяниц из самых низших социальных слоев. А также тех, кто прошел такие специфические университеты, как лагеря и тюрьмы. Конечно, порой к мату прибегали и высокообразованные интеллектуалы, но лишь в тех случаях, когда других слов просто не находилось...". Отдавая должное мягкому чувству юмора автора приведенного толкового пояснения, я поначалу кое в чем усомнился и даже не согласился — тоже кое в чем.

Во-первых, не было у меня никакой уверенности, что будущие фи-

лологи из Казани действительно изучают это. Может быть, подумал я, Ю. Борин просто испытывает легкую неприязнь к татарскому народу. Впрочем, всякие сомнения быстро развеялись, стоило мне заглянуть в Интернет. "Лента.ру" полностью подтверждает все, сказанное Ю. Бориним: "В Казанском университете введен спецкурс по изучению ругательств в русском языке. Официально курс называется "Русская историческая обсценология". Обсценология как область языкознания изучает ненормативную лексику, в том числе и мат. По словам преподавателя университета Даниила Копосова, изучение этой важной дисциплины поможет молодым филологам лучше выражать свои мысли и чувства". Ну очень оригинальная мысль!

В этом месте и появилось, кстати, "во-вторых": татары ведь категорически отрицают какое-либо влияние своих предков на возникновение этой, черт бы ее побрал, русской ненормативной лексики, приводя достаточно веские доказательства.

И наконец, в-третьих: не берусь ничего утверждать, но все чаще и чаще в достаточно серьезных изданиях появляются высказывания известных ученых-историков о том, что этого самого ига... вообще не было! Вы понимаете, что получается?..

Впрочем, истоки происхождения нецензурной брани меня никак не интересуют, но большую тревогу вызывает тот непреложный факт, что "нехорошие слова" звучат сегодня повсюду совершенно легко и свободно, а отдельные газеты и журналы (особенно так называемые "молодежные издания"), как и некоторые телевизионные каналы, и вовсе всякий стыд потеряли — шпарят это все без всяких купюр и многоточий...

Думаю, что читателю интересно узнать, как обстоит дело с русским языком в среде наших соотечественников в далекой Америке. Всем понятно: сохранение родного язы-

ка — это сохранение своей культуры. Затронутой проблеме была посвящена моя статья, опубликованная ранее в русскоязычной лос-анджелесской газете "Мы и Америка". Поскольку за прошедшее время "на этом фронте" ничего не изменилось, предлагаю ее вашему вниманию с небольшими сокращениями.

Перехитрит ли Колобка
Микки Маус,
или
Для чего нашим детям
русский язык?

...До чего же быстро усваивают дети язык, который еще вчера был для них совершенно чужим! Мы с завистью наблюдаем за их успехами, но зависть эта такая белая: дети-то наши, и пусть их успехи будут все значительнее с каждым днем! А какие великолепные детские книги выставлены в витринах американских книжных магазинов — прекрасные иллюстрации, легко читаемые шрифты, — не говоря уже о качестве бумаги и прочих "мелочах"! Малыш с удовольствием берет их в руки и при первой же возможности просит находящегося рядом взрослого — почтительную сказку, мне так нравится хитрец Микки Маус, которого каждый день показывают по телевизору...

...Обитая в "русском районе", не без интереса наблюдаю за общением наших юных земляков дошкольного и школьного возрастов. Очень просто определить — с какой степенью точности, — как долго проживают они в этой стране. Вот, оживленно жестикулируя, мимо проходят две девчушки лет четырнадцати. Я точно знаю, что они — "наши", потому что знаком с их родителями. Если б не это — ни за что не признал бы в них своих недавних соотечественниц: характерная местная скороговорка, полная раскрепощенность в жестах... А вот, по очереди футболку пустую жестикулируя, продвигается стая мальчишек. Старшему — лет десять, младший едва ли ходит в школу. Еще издали слышу испорченную русскую речь с ужасающим акцентом, обильно одобренную английскими словами: русских слов явно не хватает. "No, — говорит один из них, — tomorrow я буду busy". "A в Sunday? — уточняет старший. — Приходи в Sunday, my parents будут on over time..." Забавно, не так ли?.. "Как человека можно распознать по обществу, в котором он находится, так о нем можно судить по языку, которым он выражается". Корректно ли приводить это высказывание мудреца Джонатана Свифта в связи с детской болтовней? Безусловно: оглянуться не успеваем, как эти детишки превращаются во вполне взрослых людей с тем же искаженным языком...

...Часто задаю себе вопрос: почему так называемая первая эмиграция из всех сил стремилась сохранить в своих сферах культуру оставленной ею страны и как главную ее составляющую — родной язык, бережно передавая его из поколения в поколение? Причем язык чистый, литературный — не чета тому суррогату, который зачастую используем в разговорной речи мы. Почему те люди, оказавшиеся на чужбине (во Франции ли, Америке — неважно), прилагая неимоверные усилия для скорейшего внедрения в новую среду — то, что и сегодня делает разумное большинство наших земляков, — почему не меньше энергии они затратили на то, чтобы их дети, изучая язык приютившей их страны, не забыли и язык оставленной родины? И не обделяем ли мы сегодня малыша, познакомив его лишь с потешным мышонком и его (американскими же) сказочными "коллегам"? Вопрос таит в себе два, как минимум, аспекта, и мы на-

зовем один из них "эстетическим", второй — "практическим".

Начав с первого, хочу задать тебе, читатель, очень простой вопрос: чем превосходит упомянутые выше сказочные "американцы" Емелю или, допустим, Василису Прекрасную?.. Или Иванушку-дурачка (который, оказывается, не такой уж и дурак)?.. Или Золотую Рыбку (отметим в скобках необыкновенное чувство юмора у людей, давших своему магазину в Лос-Анджелесе, где продается рыба для еды, это название)?.. Думаю, перечисленные герои из сказок нашего детства в любой компании окажутся, как теперь говорят, "на уровне"... А если еще вспомнить эти удивительные, наполненные волшебством строки:

У лукоморья дуб зеленый,

Златая цепь на дубе том...

Что же касается практики, то и здесь, по-моему, все предельно просто. Кроме английского, который будет изучаться долго и основательно, при мало-мальски серьезном отношении к получению образования молодой человек возьмет, как правило, еще и какой-нибудь иностранный язык — французский, итальянский, испанский... При прочих равных обстоятельствах претендовать на хорошую работу с большим успехом может молодой специалист, обладающий знанием второго языка. А теперь предположите, что ваш сын или внук владеет еще одним иностранным языком — русским. Представляете, насколько поднимется его рейтинг в стране, где весьма значительная часть населения говорит на этом языке?!

...Дочь моих приятелей обучалась в престижном местном университете. Незадолго до его окончания она решила изучать русский язык как одну из дисциплин. Прожив чуть более 10 лет в США и не имея никаких проблем с английским, на русском она разговаривала не слишком свободно, с акцентом, используя зачастую английские слова. Несколько раз посидев с ней за уроками, я подивился той легкости, с какой эта двадцатилетняя девушка схватывала непростые речевые обороты, как легко запоминала сложные грамматические правила... Подивился и... огорчился: "Ах, милая девочка, это все ты могла освоить походя, имея родителей, достаточно хорошо владеющих русским языком, и занимаясь с ними по 30-40 минут ежедневно, начиная с первого же дня после отъезда из Одессы. И тратила бы ты сейчас свое драгоценное время не на познание родного языка, а на изучение японского...". И как хочется, чтоб дети и внуки "наших" эмигрантов потянулись в русские книжные магазины — не только за CD с хриплыми голосами только-только "откинувшихся" "криминальных талантов", но и за Пушкиным, Гоголем, Надсоном...

...Рассказывают, что Альберт Эйнштейн молчал до пятилетнего возраста, и его родители собирались уже обратиться к психиатру, как будущий гений заговорил, да как!.. Не рассчитывайте, что ваши дети заговорят сами, по крайней мере — на русском...

В откликах читателей на эту статью содержалась, в основном, поддержка моей точки зрения, хоть и нашелся оппонент, назвавший меня идеологическим диверсантом, мешающим нашим людям вживаться в американское бытие.

Но есть и иное отношение к языкам. Наши земляки, ставшие эмигрантами в пожилом возрасте (не все, конечно, но очень многие), категорически отказываются изучать язык страны, которая их приняла, — английский. И самым парадоксальным является то, что человеку, прибывшему из бывшего СССР, можно очень даже легко обойтись и без ан-

глийского, особенно если он проживает в районе знаменитого Брайтон-Бич, давно уже прозванного Новой Одессой. Потому что ходит он в "русские" магазины, лечится у "русских" врачей, смотрит "русские" же телевизионные каналы, читает русские газеты (как местные, так и доставляемые авиачтой из Москвы и Киева)... Самое главное — и на работу стремится устроиться к "русскому" боссу!

А теперь представьте такую картину (за подлинность ее несу полную ответственность): в "главный" магазин на Брайтон-Бич, носящий название "International" и принадлежащий, конечно же, одесситу, каким-то чудом забрел чернокожий. Я не случайно написал (каким-то чудом): на этой шумной улице толкаются, в основном, только "наши" люди. Так вот, чернокожий покупатель обращается к одной из продавщиц на английском, естественно, языке. А та, бедняга, недавно приехавшая из Кишинева или какого-нибудь другого Бобруйска, по-английски — ни бум-бум. Но не растерялась и закричала коллеге, работавшей в другом отделе и английский знавшей: "Фрида, иди сюда! Обслужи интуриста!...". Представляет — чернокожий американец в центре Нью-Йорка оказывается "интуристом"...

Те эмигранты из СССР (или уже из СНГ), которые английский язык освоили (как там говорят, "язык взяли"), значительно лучше чувствуют себя — и в материальном, и в моральном смысле. Более того, все чаще на страницах русских газет между ними возникает ожесточенные дискуссии — какой язык (английский или русский) красивей, какой более точный и даже какой... умнее. Не буду утомлять читателя подробностями этих околонучных споров, приведу только несколько из тех доводов, которые в них используются.

Пример первый. В чем сходство, задает коварный вопрос один из "философов", между двумя фразами: "Неизолированный провод проводит под тележкой" и "Голый проводник лежит под поездом"? Оказывается, обе эти фразы на английском звучат совершенно одинаково. И следует ехидное резюме: "Велик и могуч русский язык!..."

Пример второй. Английский язык конкретен и четок, говорит один из спорщиков: слово "user" состоит всего из четырех букв, в то время как его аналог в русском языке — "пользователь" — из целых двенадцати! Ха-ха-ха, отвечает оппонент, зато наша "швея" соответствует английской "needlewoman".

Пример третий. Английский язык "изобрел" такие новые слова, как "сайт", "сервер", "офис", утверждает один из "языковедов". Второй сразу же парирует: "А в английский язык вошли русские слова "спутник", "лунник"... "А английский и не нуждается в таких заимствованиях, — упорствует первый, — потому что он имеет свое такое умное слово, как "satellite". "Да знаете ли вы, — достаёт "главный козырь" его оппонент, — что подсчитано по этимологическому словарю английского языка Скита, охватывающему 13500 корневых слов основного словарного состава: около 30% из них (4000 слов) — германского происхождения, 31% (5000 слов) взят из французского языка, 20% (2700 слов) заимствовано из латинского, 3% (400 слов) — из греческого. И еще около сотни слов, встречающихся в речи англичан, обязаны своим происхождением различным другим языкам, в том числе и русскому..." (Данные взяты из статьи Леонида Элинсона в "Лос-анджелесском вестнике", март 2004 г. — А. Г.).

Дискуссии, мягко говоря, совершенно бессмысленные, но достоверно иллюстрирующие то место, которое занимает знание языков (как и их незнание) в умах наших думающих земляков.

И последнее. Только возможность свободного общения на языке страны пребывания раскрепощает человека и избавляет его от комплекса неполноценности — родного брата безжалостной депрессии. Уж поверьте на слово автору, в течение долгих семи лет варившемуся в котле русскоязычной эмиграции...

Фото Виктора Велунда

Вера ЗУБАРЕВА НЕМНОГО ПУШКИНА В ХОЛОДНОМ ЛОНДОНЕ

ЗАМЕТКИ ДИПЛОМИРОВАННОГО ПАРОДИСТА

МНЕНИЯ РАЗДЕЛИЛИСЬ

Любовь к юмору — это у меня от мамы. Одессы то есть. До Пушкинского фестиваля в Лондоне мне за это частенько доставалось, а на фестивале — там все с таким юмором прекрасным были! Евгений Сидоров, например, первым задал тон. "Русский поэт, — говорил он на заседании в одном засекреченном от англичан месте, — должен быть пьяненький, плохо одетый и не очень умный. Тогда это наш, родной". Иными словами, в поэте все должно быть немного перекошено — и лицо, и одежда, и мысли. Но не душа! Душа при этом как раз получится такой, как нужно. Ну и нахотелась же я, глядя на себя в зеркало, уже в гостинице! "Над кем смеешься", — фыркнуло зеркало...

А вот замечательный Борис Носик как раз ничем не имел против прилично одетых поэтов. Наверное, потому что соскучился по интеллигенции там у себя в Шампани. Он всех звал в гости и даже написал вот такую эпиграмму:

Открытие Конкурса

Всем, кто о Байроне-то знает
понаслышке,
О Пушкине поведал
сам Борушко...
Рифмующие
схехались мальчишки
И крайне симпатичные барушки.

Так что мнения разделились...

"ЛОНДОНСКИЙ" В ОДЕССЕ

Ну вот. А Пушкину о Лондоне было известно еще в позапрошлом столетии, когда, прохаживаясь по Приморскому бульвару, "как дэнди лондонский одет", сочинял он в уме что-то из "Онегина", а вслед ему доносились: "Подумаешь, Пушкин еще тут нашелся!".

Ваше Высоко-Остроумие, Господин Александр Сергеевич! По правде и честно — Вы ближе духу одессита, чем, например, альбионца. И юмор Ваш, и нос Ваш, и смуглый цвет лица, не говоря уже об этих курчавых волосах и искрометном темпераменте, — все, все говорит в нашу пользу! И зачем Вы испугались конкуренции и уехали из Одессы?

В Лондоне Пушкина цитируют не на шутку. Вокруг него выстраивают целое культурное событие, и надо сказать, делается это на довольно высоком уровне. И все благодаря Борушко (Пусть всегда будет Пушкин / Лондон, конкурс, Борушко!). Он мудрый, как Соломон, Борушко. И семья у него замечательная, и организаторские способности дивные, и Пушкин хорошо у него идет по сезонам: летний — лондонский, а бархатный — одесский с заходом в ресторан "Лондонский".

Тот, кто однажды приехал на пушкинский фестиваль, увозит больше, чем диплом, награду или сувенир. Лондон — это кладеза впечатлений. Жизнь русского Лондона непохожа на жизнь русского Нью-Йорка или Филадельфии. Это совершенно другая атмосфера — не лучше и не хуже американской, но существенно отличающаяся, даже по количеству присутствующих в зале слушателей, которые подхо-

дят, пожимают руки и говорят самые желанные — что скрывать? — для любого пишущего слова. Спасибо, спасибо, спасибо!

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Первое впечатление о Лондоне: быстрорастущее русскоязычное население бережно сохраняет английскую культуру для своих потомков. "И назовет меня всяк сущий в ней язык", — завещал Пушкин. И Россия ширится, выплескивается из берегов, размывает границы, и вот уже произносятся его имя и альбионцы, которые Шекспира все еще читают по своим английским подстрочникам. Ну, ничего, уже дети их точно будут его по-русски цитировать.

Русскоязычие исходит и от улиц, и от скверов, и даже от птиц. Ухо улавливает русскую напевность всюду. Она вплетается в общий фон города и в его тон, и даже внешний вид. Это не отрывистое стаккато, которое взрывает воздух на Брайтоне в стольном граде Нью-Йорке, своей зычностью и бойкостью соперничая с гортанной какофонией чаек. Это и не гоготание Киевской Руси в нашей дырвене Филадельфии. Лондонская русская речь плавная, как речная волна, как воспоминание о чем-то прочитанном в детстве и не черноморском. Невольно думается — а как чувствовала себя Ахматова, рожденная на Большом Фонтане и бежавшая от вольного моря к монументальности питерской?

АЛЬБИОН И АПОЛЛОН

Лондон тоже монументален. И одновременно динамичен. Такое редко встречается, ибо монументальность тяготеет к статике. А тут борец солнца и дождя, как шахматные блицы с моментальными поочередными победами-поражениями то воды, то света. Только успевай выставлять зонтик-щит от этих меченосных струй! Об этом хочется в стихах.

День рассеян и странен,
как гений
На пороге грядущих идей.
Перепады его настроений
Изменяют лицо площадке.
Многолюдно и тут же пустынно.
Мир — сплошная арена дождя.
Чей-то зонтик повален на спину
И уносится, будто ладья.
Все подвластно
безудержным струям,
Мчатся лестницы и парапеты.
Проблеск солнца
почти что безумен,
И тем ярче в мозгу его след.
Славен выплеск
свободных фантазий,
Бунт ума, отменившего здму,
Перед новым рождением связей
И стремленьем творить красоту.
(В. З.)

И смысл города меняется в новом освещении, и двухмерность за занавесом тумана вдруг прорывается в многомерность солнечных вспышек, как будто Аполлон пушкинский коснулся его своими золотыми стрелами. Это же отражено и в "Евгении Онегине", где Пушкин непосредственно и навеки связывает своего Альбиона с лирой Аполлона:

Адриатические волны...
Услышу ваш волшебный глас!
Он свят для внуков Аполлона;

По гордой лире Альбиона
Он мне знаком, он мне родной.

Так что, несмотря на свое трудное одесское прошлое, Пушкин — не баламут какой-то с Молдаванки (Молдаванка — известный район в Одессе, воспетый также и в куплетах о Косте-моряке: "Но и Молдаванка, и Пересыпь / Обожают Костю-моряка". — В. З.). Он — от Аполлона, и вся его поэзия сплошь аполлоническая атрибутика. Там у него на каждом слове — Аполлон да лира, да муза (как на известном портрете Кипренского, помните?). Ну, за исключением эпиграмм, конечно, всяких нецензурных...

Поэтому наша конкурсная строчка "Моря достались Альбиону" для меня связана не с географическим пространством, а пушкинским мифотворчеством. И если одесский Пушкин прогуливался по бульвару, то лондонский — по лире Альбиона. Вдруг даже подумалось, что настоящая пушкинская награда должна быть в форме не монаршей короны, а лаврового венка. Эти два символа никогда ведь не дружили у Пушкина, и объявляют они творца к совершенно разным вещам...

СУДНЫЙ ДЕНЬ

На конкурсе первым наградили Мишу Юдовского, но третьей премией. Здесь явно перепутали последовательность: его должны были бы наградить третьим по счету, но первой премией. Бывает. Будете снисходительны! Кто не ошибался, пусть бросит в жури камень.

Момент объявления очередного победителя был обставлен как искусный психологический эксперимент. Впечатление, что устроителю насмотрелись перед этим American Idol. С плохо скрываемым любопытством члены Большого Жури вглядывались в непроизвольно потеющие лица поэтов, и отрадно было осознавать, что ничто человеческое божественному БЖ не чуждо. Чем-то они напоминали тех детей, превращенных во взрослых, из "Сказки о потерянном времени". Так и хотелось им сказать: "У, проказники!".

Из всех из них только Борис Носик не был превращенным. Он вообще в зале хотел сидеть, а не на сцене, я ему даже место рядом с собой придержала. А он мне за это посвятил вот такие строчки:

Жалоба турка

Зачем-то сдали Пенсильванию
Одессы гордость и красу...
И вот сижу в глухой Шампани
И лапу старую сосу.

После вручения премии Юдовскому поэты стали потеть еще больше. В БЖ тоже возросло оживление. В кого из поэтов вглядывались, тем ничего и не давали. "Ракету мне! Ракету!" — лихорадочно бормотала Максимова. А Петрова троекратно заклинала: "Россия, Россия, Россия!". Помогло.

Но дело все равно не в этом, а в празднике — Празднике Встречи и Узнавания. Ну какая разница, на каком конкурсе Байрона признают первым, а Пушкина вторым или наоборот? У каждого писателя — свой круг читателей и друзей, а литературе нужны разные голоса, и все эти голоса были представлены на конкурсе. Следуя библейскому мифу, Бог создал мир по принципу многообразия, и даже когда прогневался и решил сгоряча устроить потоп, все равно оставил и чистых, и нечистых (ни на кого не намекаю).

ПЛЕНИТЕЛЬНОЕ СЧАСТЬЕ

Несмотря на то, что МЖ звучит не так литературно, как БЖ, и рождает смеш(ан)ные ассоциации, уровень гораздо солиднее. Никаких тебе тайных потираний ручек и тщетно скрывааемых ухмылочек. Никаких детских апломбов. Сразу видно, что настоящие взрослые, а не превращенные. И к поэзии имеют гораздо больше отношения — сами и поэты, и критики. Не зря ведь Борушко объявил перед началом конкурса пародий, что короны — это все пустяки, а вот кто конкурс пародий выиграет, тот, мол, настоящий поэт и есть. Знал про превращенных-то! А может, просто проговорился после нескольких тостов. Он хороший парень, свой. Но бывают и промашки.

Я, честно, вообще не собиралась участвовать, но поэт, как говорится, предполагает, а муза располагает. Прямо на коленях (прилагаю фото), за несколько минут до отплытия теплохода, на котором должен был проходить конкурс вольнодумцев, записала все под музыку диктовку. Старик Державин только головой покачал. Бог простил. Сидоров хотел. А МЖ отметило первой номинацией и выдало справку. Я их всех обнимаю.

А вот и пресловутые пародии, кому интересно. Они направлены не на автора, а на третье лицо. Голос пародируемого я использую в них как свою авторскую маску, как способ обращения к другому лицу. Меня прельстил экзотический голос Александра Бурбело, и я его обыграла при обращении к устроителю Пушкинского фестиваля Олегу Борушко. А иронические стихи Натальи Резник, получившей в этом году третий приз в конкурсе переводов, послужили поводом пофантазировать, как бы в ее исполнении прозвучала конкурсная строка из "Евгения Онегина".

Вера Зубарева
К Олегу Борушко устами
автора бессмертной Лии Чао

"Моря достались Альбиону,
А мне досталась Лия Чао".
Александр Бурбело.
"Моря достались Альбиону"

1. КТО ТАКОЙ О. БОРУШКО?

"Блаженство смотреть на тебя..."
Александр Бурбело.
"Блаженство смотреть на тебя"

"Для меня ты —
Как маленький атолл
на о-ве Фиджи,
Гитлера после войны
приютивший."

Для меня ты —
Как слитки золотые
В швейцарском
супернадёжном банке"
Александр Бурбело.
"Восходящее солнце"

"За что мне Бог подарил встречу
с тобой?"
Александр Бурбело.
"Мое счастье на этой планете"

"Ты — как сталинградский
Снайпер Зайцев Василий..."
Александр Бурбело.
"Мне нравится твоя душа"

Кто такая Лия?

Японская кукла?
Идол Японии Shinozaki Ai?
Александр Бурбело.
"Кто такая Лия?"

Блаженство смотреть на тебя,
О., Борушко!
Твой глаз — как жемчуг,
Когда набиваешь обойму
своих финалистов.

А сам ты — как нирвана
На острове Фиджи,
Гитлера в слитке мозгов
приютивший.

Прищурив жемчуг свой
алмазный,
Как снайпер Зайцев Василий,
Сзывает нас всех
на "пристрелку"
У микрофона,
Чтобы уши твои золотые
Слушали,
Как скрипят наши нервы
Перед турниром.

Кто ты такой?
Идол могучего Шизояки?

О., за что мне Бог подарил
встречу с Тойой!

2. ХОЧУ БЫТЬ ТВОЕЙ КОРОЛЕВОЙ

"Твой сладкий-сладкий интеллект..."
Александр Бурбело.
"Восхитительный Лотос Тайваня"

"Хочу, чтобы стала ты королевой,
Если не в этой,
То обязательно в следующей
Жизни твоей девичьей".
Александр Бурбело.
"Хочу, чтобы стала ты королевой"

Твой сладкий-сладкий интеллект,
Затаивший
В третьем глазу второе дыхание
До судного дня,
Когда выстроят всех нас в шеренгу,
И будем мы падать поодиночке
В канаву зала,
Чтобы стать королями
в следующей жизни.
О., Чудный!
Чуднее тебя только Лия,
Которая — Ч-чао...

ОДНОСТИШЬЕ

Пушкин устами Натальи (не Керн)
"Три раза отдалась. Один — удачно".
Наталья Резник.
"Одностийше"

"Моря достались Альбиону".
А.С. Пушкин

Моря отдалась Альбиону...
Филадельфия, 2009

Янина ЖЕЛТОН

Про злобного таксиста и белоснежный «Мерседес»

Это забавная история о том, что существуют разные мнения о происходящем, и о том, что лучше все-таки промолчать, чем сказать.

И вот день отъезда наступил. Мы вызвали такси, чтобы ехать на вокзал, и тут же выбежали на улицу, потому что ждать внутри было невозможно. По дороге медленно катил белый "Мерседес". Я сразу обратила внимание, что едет он уж слишком плавно. Из такси вышел коренастый водитель средних лет в белоснежной футболке.

"Красиво! Белая машина и белая майка", — подумала я. Но, взглянув на физиономию таксиста, мысли о красоте сразу рассеялись. На меня смотрело крайне недовольное слегка перекошенное зеркало души. Не кислое и унылое, а именно агрессивное-недовольное лицо. Водители частенько впадают в эти тяжелые состояния, когда им кажется, что весь мир ополчился против них, а пассажиры

только и делают, что строят хитроумные планы, чтобы незаметно выпрыгнуть из машины и убежать, не оставив водителю ни монетки.

— Почему у вас чемоданы такие пыльные? — первым делом спросил водитель "Мерседеса".

— Запылились, — ответил Пупсик.

Мы сели. Пупсик, по традиции, которую в старо-древние времена завели мужские шовинисты, занял переднее сидение.

— А почему штаны такие грязные? — задал таксист свой второй вопрос.

— Не отмываются, — ответил Пупсик простодушно.

— Почему это не отмываются? — не унимался таксист.

— Это масляная краска! — вполне миролюбиво ответил мой Пупсик. Но я-то знала, что в душе у него взметнулась парочка красных ракет.

"Не всем же на белоснежных машинах разъезжать", — хотела было заметить я. Но промолчала. Чего ругаться, если чемоданы действи-

тельно пыльные, а штаны в краске?

Все, что сказал водитель, — святая правда. Просто если б он был дипломатом, он бы не обратил на это внимания. Но водителя нашего, похоже, в дипакадемию не приняли.

Я рассматривала деревья и дома. Была хорошая погода, цвели кусты роз: красные, белые, карминовые, желтые с переливами в оранжевый и персиковый. Роскошное цветение! И думала о том, что даже если зловерный таксист захочет нам как-то навредить, у него ничего не получится. Поезд стартует через час. Мы успеваем.

Тем временем над первым рядом сидений повисла зловещая тишина. Машина ехала очень медленно, Пупсик тщательно формулировал Свой Вопрос. Он хотел спросить: "Почему так медленно едешь, раньше на асфальтоукладчике работал?". Но промолчал. Пупсик тактичный от природы.

Мы доехали до конца улицы, когда таксист связался с диспетчерской и сказал:

— Пришлите другую машину, моя сломалась.

Вышел и выгрузил наши вещи. На какой-то миг мне стало страшно.

Тут Пупсик, который оказался рядом со мной, громко прошептал, глядя в открытый багажник:

— Это что это за штука? Это что, бейсбольная бита?!!

Действительно, в багажнике лежала огромная и новая ярко-рыжая бита, аккуратно завернутая в целлофанчик.

Пупсик аж подпрыгнул от радости! И сказал:

— Какой я все-таки молодец! Ай да молодец! Не озвучил про асфальтоукладчик. Не получил битой по башке!

— Оно того не стоит, Пупсик, — подтвердила я.

В этот момент рядом с нами развернулся серебряный автомобиль. Подросло новое такси, мы погрузились в него и умчались на вокзал.

Вернувшись домой, мы отмыли чемоданы с тряпочками. А штаны, которые вызвали ярость таксиста, торжественно отнесли на помойку.

Богдана БОНДАРЬ

рифма слов

тебе в этом твоём "да-ле-ко" хорошо сберегаться

от грудного надсада шепеляво 4ертя

полукружность китайского сада и небрежно — расход —

опоясывать кругом себя ненарошность и вялость

плоскостей на спине

на щеке на беспомощной вязи у глаза

терпеливо — по дольке да под локоток

на4инять глазурованность нежного взгляда

и до степени лжи и упрямства

насаждать непреклонность меня

разменяв три монетки на ласку

на стенность углов на суровость оков

на размерность летнего сада где сто тысяч4 шагов

разбивают мне бровь растирают в песок

рифму слов хорошо далеко

и не надо

рго.порция

Автокары вязнут в двадцатых. Поддых аккорды пляшут в сепии... мм...

по губам медом — горе4ь —

не выплёвываяй, клей взгляды,

стыкуя плюс и минус.

Длинные айседоровские шарфы, вскрытые окна — на морозе

иней на волосах, дорога бесконечна

пока поцелуи теплятся на шее... а ты...

такая гордая, 4то руки опускаются

и тушат в сердце 4ерные спи4ки —

то4ки между словами.

Волны набегают слева... мне бы туда,

но ты спешишь. Ты накру4иваешь мысли

на пальцы и можно было бы притормозить,

но нервы давят на виски, на ветру потеряно

шестое 4увство. 4ай по каплям на раздражение...

И та же, прописанная грузинской вязью но4ь, шеп4ет сказки, лепе4ет маленьким маль4иком, смотрит бесцветными, беспробудно-глубокими глазками, я сжимаюсь в эмбриональный комок, я целую твой образок...

Мария САВЧЕНКО

Волку — выть, корове — телиться, —

Распахнучая могут! И от ветра не заститься,

И в нее не завернуть... Бреет бризом по макушечке.

Долог путь, да вот весло: Свежевзбитым

лунным маслицем Лихо прописать волну.

Озерчавые плескались, Ленты вплетены в камыш...

А для бравых воеводиц — И колыба, и огонь;

Хороводицы бессонных Грустных ласковых ночей;

И подушки хлебный мякиш, И доверчивый ручей...

Окропила взглядом темень Летокалендарных верст.

Мой прицеп ушел на север Списанных со склада мертвых,

Но немнущихся имуществ. Хоть и пыльный,

Но фотограф, Камень — ножницы — ничей,

Предъяви служебный пропуск, Ограниченной распиской

О неразглашении.

А звезды — мои нерожденные маль4ики, танцуют сложные па, оставляя холодный пот на лбу и маленькие градусы южноамериканской жары...

а там длинноногие жирафы и выющиеся реки,

там темнокожие девы, там

худые руки и 4ерное золото...

долотом по затылку. и зебры в мыле, в пыли.

в золотых оправках слова —

сквозь телеграф 4ужие монографии.

и вот теперь бы закурить. забить и запить...

затем забить и всплугнуть зажигание

обжигающим можжевельником и каплей понедельника,

кажуешься старой девой с красивыми руками...

А помнишь ту слабость в коленках и в мерзлых руках?

Морозно. Солне4но. Памятно, ломота в руках

переливается в цвет неба, в тени 4ерных кошек,

царапающих руки, едва затрагивающих

бирюзовых голубей, и выюнком выются ветви

в4ерашних дней, капают на дно бордовым цветом айседоровского шарфа...

ВЭ. ЭМ

снег-препинание москва клубится

не-сигаретным дымом —

мы будто врозь и будто не-дожили

и левитан отта4ивает кисть

едва касаясь — на бег пускаются слова

бессильно скалясь и препирание

ты — я как клетка пледа /полоска красная

мор/ перви4ность света

ложится краской на ладонь смы4ком на шею

— вторит ноктюрн втамином цэ

пластилиновой капелькой неотве4енным вызовом

у нее ве4но так —

/занято/

Валерия РЕПИНА

Вовкино детство

О, как прекрасна юность! Когда каждый завязавшийся роман кажется началом большой любви... Да-да, той самой, о которой пишут в книгах, снимают кино. Но как же больно в очередной раз разочаровываться, пить крепкий и почему-то солоноватый чай, тайком скуривать пачку сигарет и писать жесткие СМС с прищущим юности максимализмом очередному отправленному в отставку кавалеру.

Расставшись с последней пассией, я решила сломать эту схему и пригласить на чаепитие друга Вовку. Вовка — это человек, с которым просто невозможно грустить.

Я не знаю, оптимистами рождаются или это приобретенное, но Вовка — природный оптимист.

Оптимист, как всегда, пришел с опозданием, он вечно, как и я, никогда никуда не успевает.

Вовка пришел не один, а с баранками, причем баранки были не в пакете, а нанизаны на нитку. Все это великолепие гордо висело на хрупкой Вовкиной шее.

— Вау, — восхитилась я. — Неужели такие еще продаются?

— Сам делал, — скромно сказал Вова и заулыбался.

Я положила на стол булочки, и мы сели пить чай.

Когда мы расправились с половиной связки и выдули по три чашки чая, я не выдержала и решила немножко погрузить Вовку своей love story:

— Вовчик, ну почему так всегда, вроде находишь человека, который подходит тебе по всем параметрам, а потом прекрасным, ой, скорее ужасным днем ты по одному его поступку или фразе понимаешь, что это вообще не твой человек. И недоумеваешь: что держало вас рядом?

— Проблема в том, что люди не понимают, что не нужно надевать розовые очки, идеализируя людей, — задумчиво сказал Вова.

Лучше бы он этого не говорил, эта фраза мне напомнила мое предыдущее увлечение. Я замолчала и стала дуть на остывший чай.

— Ну, что такое? — протянул вопросительно Вовка.

Я обиделась, ненавижу эту фразу.

— Я вообще не применительно к тебе ее сказал, — скороговоркой

проговорил Вовка и вдруг помрачнел.

Мне стало не по себе от такой перемены. Веселые чертики в его зрачках исчезли, серые глаза потемнели.

— Что случилось? — почему-то пропихнула я.

Вовка, казалось, не слышал вопроса, затем начал говорить. Голос звучал глухо, как будто голос заперся в Вовкином теле, и ему было сложно вырваться.

— Знаешь, очень часто обижаешься на человека, который и не думал тебя обижать. Просто мы настолько пропитались эгоизмом, что, кажется, весь мир крутится вокруг нас. И что именно на нас посмотрели, именно над нами смеются...

Когда мне было четырнадцать лет, мне очень нравилась девочка, жившая по соседству. Мы с ней здоровались и только, ей было двадцать, и она тусовалась в старшей компании. Знаешь, я был счастлив только от одного ее "Привет". Я и надеяться не мог, что она по-настоящему обратит на меня внимание. Хотя я часто представлял, как она выходит гулять с собакой, а на нее нападает свора дворняг, а я с палкой наперевес бегу ее спасать. Или же зимой: она поскальзывается, ломает ногу, а я на руках несу ее домой. В этот период подростковых прыщей и плакатов возле кровати я только нею и жил, и просил Бога мне помочь.

Вовка замолчал. Я вопросительно посмотрела на него.

— Бог помог, — криво усмехнулся Вова. — Однажды, зайдя в магазин, я увидел Ее. Она стояла у прилавка и выбирала, как сейчас помню, булочки с вишней. Я тихонько приблизился, да так "тихонько", что нечаянно толкнул ее.

— Привет, — кивнула она мне и улыбнулась.

— Угу, — сказал я и покраснел.

Она вышла из магазина, а у меня продолжали гореть уши.

— Мальчик, тебе что? — лениво спросила расплывшаяся от жары продавщица.

Я стоял и молчал, пока какой-то мужик не кивнул на прилавок:

— Эге, ключи кто-то забыл.

— Девушка, наверное, она там полчаса чего-то выбирала, — откликнулась старушка в больших очках.

Меня моментально осенило, я выпалил:

— Я ее знаю, она моя соседка, я ей отнесу, — схватил ключи и выско-чил на улицу.

В конце квартала я увидел ее, но не окликнул, а решил дожждаться, когда она приблизится к своему подъезду. Но она не пошла домой, а направилась к беседке и села на качели. Я подошел и молча протянул ей ключи. Сперва она, казалось, не заметила меня и продолжала мечтательно смотреть куда-то вдаль. Наконец, словно очнувшись, она взяла ключи и так же задумчиво сказала:

— Спасибо тебе... мм... Олег.

Меня заколотило: "Она даже имени моего не помнит!".

— Я не Олег, — пробурчал я.

— Ой, прости меня, пожалуйста, — быстро-быстро сказала девушка и почему-то расплакалась.

Я развернулся и застыл на месте. Да и что я мог сказать ей, той, имя которой я столько раз выводил на песке летом, в имени которой жила музыка. Не знаю, сколько я так простоял, но, пройдя несколько шагов, я неожиданно услышал ее неестественно звонкий голос.

— А что ты делаешь сегодня вечером? У тебя найдется для меня время?

Я, не веря услышанному, онемел, затем сказал себе: "Дурак, отвечай, мечты все-таки сбываются".

Я не ответил, а проорал:

— Да, да, и не только вечер, а все последующие дни, и вообще, я люблю тебя!

Я развернулся, чтобы посмотреть ей в глаза, и увидел, что она разговаривает по мобильному и недоуменно смотрит на меня. Я покраснел и позорно побежал домой.

Я еще долгое время боялся выйти погулять, мне казалось, что, выйдя из дома, я обязательно встречу ее. Тогда я решил, что она специально все устроила, чтобы унижить мою невменяемую любовь, чтобы посмеяться надо мной.

Кстати, тот магазин скоро закрыли, я на его месте открыли "наливайку"...

Тут Вовка, казалось, выдохся и замолчал, провел рукой по лицу, словно отгоняя что-то.

Через пару минут это был тот же Вова с блеском в глазах. Так, будто ничего и не было сказано, он весело спросил:

— Ну, чего еще пожевать есть?

Я придвинула ему оставшиеся сушки. Булочки, которые оказались с вишней, я спрятала в хлебницу.

Ирина ДЕЖЕВА

Заклинание

Свет занял как день без тебя
Вычертилась тишь колодца
Голову отсеаю всем указать
Стройную рябь солнца

Выудить рыбку — плоха слеза
Мерзлыми плечиками сухолетья
Выглянь буковками вола
Первых желаний сетью
Вытони птицею
Вытани ситцами
Вынеси связками
Вымоли сказками

Выстой на скатерти
Выжди на проводе
Выдохни папертью
Крохотным холодом
Выстони ободом
Долго ли, кована
Терпко ли, коротко —
Выбери мя!

Александр Мардань:

«ВСТРЕЧИ В ОДЕССЕ» УЖЕ СТАЛИ ТРАДИЦИЕЙ

АНОНСИРУЕМ СОБЫТИЕ

"Место встречи изменить нельзя". Эта всем известная фраза в последние годы стала повторяться в Одессе с прекрасной регулярностью, но не в связи с одноименным фильмом. Речь не о кино, а о театре. Вот уже несколько лет подряд в нашем городе в одно и то же время (а точнее — в начале сентября) проходит международный театральный фестиваль "Встречи в Одессе" и научно-практическая конференция "Русский театр в Украине". В нынешнем году Южная Пальмира принимает гостей и участников Четвертого фестиваля и Шестой конференции. Что характерно: несмотря на сложную экономическую ситуацию, театральный форум не стал менее масштабным.

О IV Международном театральном фестивале "Встречи в Одессе" мы беседуем с его соорганизатором, членом Союза театральных деятелей драматургом Александром Евгеньевичем Марданем.

— Уже несколько лет подряд череда мероприятий, посвященных Дню рождения Одессы, завершается театральным фестивалем. Что дарит одесситам этот форум?

— Разумеется, интересные театральные впечатления. А участникам фестиваля — редкую возможность общения друг с другом и встречу с нашим городом в его лучшую пору. (Можно вспомнить Жванецкого: "Август в Одессе — лучший месяц, но сентябрь лучше августа".) Ну а самой Одессе, я надеюсь, наш театральный фестиваль поможет утвердиться в статусе культурной столицы если не всей Украины, то, по крайней мере, ее Юга.

Древние греки считали, что город становится городом, когда в нем появляется театр. Перефразируя это высказывание, можно сказать, что город становится культурным центром, когда в нем появляется театральный фестиваль. Хочется думать, что "Встречи в Одессе" станут "магнитом", который сделает наш город еще более притягательным.

— На "Встречи в Одессе" приезжают театральные деятели и коллективы из разных уголков постсоветского пространства, порой весьма отдаленных. И это — в тот момент, когда отношения между многими бывшими советскими республиками, к сожалению, переживают не лучшие времена...

— Мы пытаемся по мере сил преодолевать препятствия, возведенные между нашими странами. Ведь соединяют нас не только газовые трубы. Бывший Союз имел общую культурную "кровеносную систему", рассечь которую на части вряд ли возможно. Хотя пропаганда влияет на культурный процесс, и не всегда благотворно... Но кардинально затормозить его или перераспределить отдельные политики не в состоянии. Вся эта политическая рознь рано или поздно закончится. Помните сцену из "Андрея Рублева" Тарковского? Патриарх мирит братьев-князей. Они вроде бы помирились, а камера "замечает", как один другому наступает на ногу... Но междоусобицы в конце концов минуют. А театр — останется. И невзирая на все современные "княжьи" ссоры, в прошлом году на открытии "Встреч в Одессе" подняли флаги Болгарии, России, Украины, Грузии, Израиля... На фести-

тималье приехали председатели Союзов театральных деятелей Украины и России Лесь Танюк и Александр Калягин. Последний тогда заметил: "Мы (украинские и российские театральные деятели. — Прим. ред.) по-прежнему нужны и интересны друг другу. Между нами никогда не возникнет непонимания, потому что говорим мы на одном языке — языке театра".

— Научно-практическая конференция "Русский театр в Украине" старше, чем фестиваль...

— Да, мы с моим тезкой, соратником и сподвижником, директором Одесского русского драматического театра Александром Евгеньевичем Копайгорой задумали ее в 2004-м. Нам казалось, что культурной жизни города не хватает глотка свежего театрального воздуха. Воздуха встреч и общения людей, работающих в разных условиях, живущих в разных странах, но говорящих на едином языке. У слушателей Мельпомены очень много общих проблем. Есть что обсудить, над чем подумать сообща. Так и родилась идея конференции.

Но театр — это, безусловно, праздник, и ограничиваться беседами о его делах и проблемах было бы неправильно. Важно, чтобы театры могли представить на суд коллег и зрителей свои постановки, чтобы одесситы смогли увидеть спектакли зарубежных коллективов... Так появился фестиваль "Встречи в Одессе".

Что касается ежегодных конференций "Русский театр в Украине", то каждая из них посвящена определенной теме. Уже обсуждались проблемы современной драматургии, критики, современного театрального менеджмента и режиссуры. На этот раз в центре внимания будут вопросы авторского права.

— Безусловно, эта тема очень важна для тех, кто пишет и ставит. А вот зрителей, пожалуй, больше интересует, какие театральные коллективы в этот раз приедут на "Встречи в Одессе" и какие спектакли можно будет увидеть?

— Начнется фестиваль спектаклем Одесского русского драматического театра "Дядя Ваня" в постановке Леонида Ефимовича Хейфеца. Кстати, спектакль и весь вечер будут посвящены 75-летию этого замечательного театрального мастера, который тоже приезжает на фестиваль в Одессу.

На следующий день Челябинский государственный театр юных зрителей представит инсценировку рассказа Анатолия Кузнецова "Артист миманса". Зрители старшего поколения должны помнить имя этого писателя, его роман "Бабий Яр" печатался в журнале "Юность". Судьба Анатолия Кузнецова сложилась трагически — он стал невозвращенцем, остался в Англии, где и погиб при невыясненных обстоятельствах. Его рассказ воплотил на театральной сцене Владимир Оленов.

В этом году исполнится 200 лет со дня рождения Николая Васильевича Гоголя. Разумеется, театральный мир с большим уважением отнесся к юбилею великого писателя. В программе нашего фестиваля — сразу четыре гоголевских произведения: "Женитьба" (в постановке Севастопольского академического русского драматического театра им. А.В. Луначарского), "Игроки" (Орловский государственный театр), "Ревизор" (Ростовский академический театр драмы им. М. Горького) и "Madman" ("Сумасшедший"). Последний спектакль по мотивам повести "Записки сумасшедшего"

привезут в Одессу актеры Русского театра Нюрнберга (Германия).

— Четыре произведения Гоголя? Не боитесь переборщить?

— Нам с Александром Евгеньевичем (Копайгорой. — Прим. ред.) уже говорили: такой гоголь-моголь получается, не будет ли диатеза? Думаю, не будет. Потому что перечисленные спектакли — это не "датские" постановки, то есть не те, что сделаны формально, ради круглой даты. Например, очень рекомендую севастопольскую постановку "Женитьбы". Пожалуй, это самая... эротичная "Женитьба" из всех, какие мне довелось видеть. Причем без пошлости и вульгарности. Очень интересный спектакль.

А вообще, Гоголь — это знаменательно и очень в духе нашего фестиваля. Никому не нужны попытки поделить этого писателя между Россией и Украиной. Имя Гоголя объединяет два наших народа, две культуры.

— Что еще увидят зрители в дни фестиваля?

— Перечислю кратко — без подробностей. На фестивальных площадках будут представлены работы Киевского академического театра "Колесо" (О. Юрьев, "Мириам"), Белгородского академического драматического театра им. М.С. Щепкина (А. Островский, "На бойком месте"). Также зрители увидят спектакль Театра-студии им. Михаила Чехова (Москва) "Эти два столь замечательные существа..." (по роману Ф. Достоевского "Бесы"). В спектакле играют актеры Московского театра Сатиры Юрий Авшаров и Татьяна Лебедькова.

— Александр Евгеньевич, бу-

дут ли представлены в программе фестиваля ваши собственные пьесы?

— Да. Вологодский государственный драматический театр сыграл спектакль по моей пьесе "Женщины. Фрагмент", а Луганский областной русский драматический театр привезет в Одессу "Ночь святого Валентина".

Пьесы эти написаны недавно, последняя — весной этого года, но уже поставлены на нескольких сценах.

— "Ночь святого Валентина" написана в этом году, когда у всех на устах одно слово — "кризис". Пьеса случайно не о нем?

— О нем — о кризисе человеческих отношений. Как любому драматургу и писателю, мне хочется, чтобы произведение прожило как можно дольше. А у жанра "Утром в газете — вечером в куплете" век короткий. Всегда актуальна только одна тема — человеческие чувства. В любые времена интереснее всего и важнее всего взаимоотношения людей и отношения человека с самим собой. Что бы ни происходило в обществе, в стране, какой бы ни наступил кризис или, наоборот, момент благополучия — человек всегда страдает, любит, ревнует, завидует, предает, спасает, прощает... Об этом я и хочу писать, и пишу.

— Вернемся к фестивалю. В программе прошлых "Встреч в Одессе" кроме спектаклей были и творческие встречи с известными актерами, писателями... Состоятся ли такие вечера на этот раз?

— Конечно. Откроет Четвертый фестиваль "Встречи в Одессе" творческий вечер народного артиста

СССР Василия Ланового и народной артистки России Ирины Купченко. И еще один приятный сюрприз фестиваля — творческий вечер Юлия Кима. В последний раз он выступал в Одессе в... 1972 году! Думаю, одесситы не пропустят такую редкую возможность побывать на выступлении этого поэта и барда.

— Одно только перечисление спектаклей заняло немало времени. Я думаю, нынешний кризис заставит сделать фестивальную программу скромнее, ограничиться одной площадкой...

— Напротив, число фестивальных площадок выросло. В день можно будет посмотреть два, а иногда и три спектакля. Они будут идти на сценах Русского драматического театра, ТЮЗа, Украинского музыкально-драматического театра, в Болгарском культурном центре и Золотом зале Литературного музея. Разумеется, площадка подбирается в зависимости от потребностей того или иного спектакля, в соответствии с пожеланиями авторов постановки. К примеру, было такое — за три месяца до фестиваля художественный руководитель вологодского театра приехал в Одессу, посмотрел все предлагаемые сцены и выбрал ту, на которой — единственной — он готов представить свой спектакль. Такой подход вызывает уважение. Это серьезное отношение к работе, а не "чёс" — лишь бы приехать, отыграть...

Ну, а что касается масштаба "Встреч в Одессе", то делать фестиваль тише и скромнее, на мой взгляд, нельзя. Украина и без того в этой сфере не преуспевает. Театральные фестивали в нашей стране можно пересчитать по пальцам. А в России, например, таких мероприятий — 260. Конечно, там и населения больше, раза в четыре. Но театральных фестивалей больше, чем у нас, в 26 раз! Так что, нам есть над чем работать и что делать.

— "Нам" — это вам и вашему тезке, директору Одесского русского театра?

— И всем тем, кто поддерживает наши начинания. К счастью, наши идеи сразу нашли отклик, причем — на самых разных уровнях. Научно-практические театральные конференции в Одессе проходят при участии Центра поддержки русского театра за рубежом СТД РФ. Содействие в проведении фестиваля оказывают Посольство России в Украине, местные власти — городские и областные. Решить материальные вопросы помогают одесские предприниматели, информационную поддержку оказывают местные СМИ.

Если говорить об отношении бизнеса к культуре и искусству, то, как мне кажется, в Одессе происходят перемены к лучшему. Это замечательно, что Екатерининская площадь отреставрирована благодаря стараниям Руслана Тарпана, что в городе появился Музей современного искусства, и создал его Вадим Мороховский... Этот список можно продолжать. И мы, организаторы театрального фестиваля, ежегодно благодарим одесских предпринимателей, фирмы и торговые марки, которые помогают провести "Встречи в Одессе" на достойном уровне.

Да, есть критики, которые говорят: ну, фестиваль... Приедет десяток театров, покажут свои спектакли... Но не произойдет ничего такого, о чем бы потом писали и говорили годами, и в целом этому мероприятию далеко до, скажем, фестивалей в Каннах, Венеции или Авиньоне. Могут возразить: перечисленные форумы не стали событиями мирового уровня на третий-четвертый раз. Как говорят специалисты, фестиваль становится Фестивалем на шестой-седьмой год своего существования. Надеюсь, что "Встречи в Одессе" будут развиваться и становиться все более яркими. Пройдет еще несколько лет — и возникнет традиция... Собственно, в театральных слоях она уже возникла. Все знают: какая бы ни была погода, что бы ни произошло, — но пятого сентября торжественно откроется Международный театральный фестиваль "Встречи в Одессе". И так будет каждый год.

Интервью вел Дмитрий МУХИН

Яков ЖЕЛЕЗНЯК ВЗЯТИЕ ИЗМАИЛА

Мне иногда кажется, что в одесском мире бокса я более известен, чем в мире стрелков. И когда меня попросили написать "пару слов" для нового справочника об одесском боксе, я, наверно, смог сформулировать причину нашей взаимности: "Бокс для меня всегда был не только великолепным подспорьем как средство общефизической подготовки, но и тем миром, в котором я нашел массу интересных мужественных людей с высоким уровнем интеллекта и доброты. Мир, в котором впервые четко прозвучало понятие "боксерское братство" как результат удивительных человеческих отношений и готовности в любое время реально быть полезными тому, кто в этом нуждается".

А эталоном этих отношений, его лицом, был, прежде всего, мой друг, на редкость добрый, бескорыстный, доброжелательный, очень толковый и остроумный Роман Песин. Он стал главной причиной моей активности в неожиданном для стрелка виде спорта.

Именно он, великолепный и очень грамотный тренер помог мне не только восстановить физические кондиции в период подготовки к олимпийским играм, но и умело формировал мою психологическую устойчивость, что для стрелка, особенно такого впечатлительного и эмоционального, как я, архиважно. Я бесконечно благодарен судьбе, что в моей жизни был такой Человечище, с которым, не задумываясь, делил все наши жизненные заботы. С которым мы старались быть друг другу надежной опорой.

Но однажды эта опора стала невольной причиной моих неожиданных перевоплощений.

После олимпийских игр я никак не мог осуществить свою мечту полноценно отдохнуть от сумасшедшей напряженки, державшей меня сверхмощными тисками на протяжении последних лет. Общественный долг обязывал советских олимпийских чемпионов отрабатывать заботу родной партии и правительства, выезжая на бесконечные встречи в трудовые, студенческие и школьные коллективы, воинские части. Иногда доходило до абсурда. В воскресенье примерно в семь утра, когда все члены моей семьи, как и все соседи в доме еще сладко спали, вместе со звонком в нашу дверь раздавался грохот нескольких барабанов и душераздирающий рев пионерских горнов.

Это юные ленинцы, чтоб они были здоровы, пришли приглашать с утра пораньше сверхвостребованного героя олимпиады на свой торжественный пионерский слет. Перепуганные полураздетые соседи, выскочившие на лестничные площадки, наверно, впервые оценили обратную сторону моего триумфа. Да и мне уже порядком надоело "медные трубы", официальные и неофициальные банкеты, приемы, навалившаяся многолика слава с очень высокой моральной ответственностью и безумно низкой, даже смешной материальной компенсацией.

Кстати, именно эта последняя тема почему-то очень волновала и интересовала всех окружающих в большей степени, чем самих олимпийцев. Это даже раздражало. Практически на всех встречах обязательно звучал вопрос о сумме премиальных. Тема ведь закрытая, неведомая для советского человека. Этакая тайна "любительского" спорта. Поэтому зал в эти минуты всегда затихал в ожидании ответа. Причем ответа эффективного. И когда в притихшем зале звучал правдивый ответ, многие не верили, считали, что мы лукавим. В общем, спокойной жизни совсем не стало. Все мое существо буквально кричало — нужен отдых!

В Одессе жил тогда очень интересный человек. Григорий Новоселов! Отличный боксер, прекрасный тренер, хороший товарищ и замечательный пропагандист спорта. Он обладал редчайшей коллекцией фильмов лучших финальных боев по боксу среди профессионалов. Ничего подобного даже близко не существовало на просторах нашей необъятной страны. Уникальность этой фильмотеки, которая формировалась правдами и неправдами его коллегами и друзьями, живущими за рубежом, была еще и в том, что в понимании профессионального бокса, как и вообще профессионального спорта, для всего советского народа в те годы подразумевалось что-то негативное, грязное. Все это было как бы порождением враждебной нам капиталистической системы, а значит — антисоветское, и потому запретное для показа по телевидению, в кино. Наши люди не имели никакого представления о том, как развивается профессиональный спорт, чего он достиг. А ведь там было чему поучиться. Вот этот информационный пробел и решил заполнить Григорий Новоселов со своими фильмами.

Через существовавшее в те годы общество "Знание" он регулярно и с достаточным успехом читал лекции с показом фильмов, слегка пополняя этим очень скромный бюджет своей семьи. А для самых благодарных слушателей и зрителей — боксеров — он это делал абсолютно бескорыстно и с удовольствием.

Именно он неожиданно, но, как оказалось, очень своевременно предложил мне:

— Давай слетаем на пару дней в Измаил. Выступим перед местными аборигенами. Ты расскажешь об олимпиаде, я о боксе.

— Гриша! Оставь меня в покое с этой темой. Я уже скоро буду держаться.

— Послушай! Поверь, что это будет хорошая поездка. Там отличная школа бокса, очень приличные и порядочные тренеры. Они будут просто счастливы, и ты будешь доволен. Отдохнешь немного от этой суеты.

Я продолжал возражать, но тут встрял мой друг № 1 Ромочка Песин:

— Янчик! Давай езжай. Поменяешь обстановку, отдохнешь, покушаешь свеженькой ухи, дунаечки (дунайской селедки) привезешь. Давай езжай.

Он, как всегда, был убедительным. Потому он и был № 1.

В Измаиле нас разместили в лучшем номере самой лучшей гостиницы.

Надо сказать, что Измаил, прославившийся военным гением генералиссимуса Суворова и будучи мировой знаменитостью, в те годы был незаслуженно очень провинциальным городом со всеми вытекающими последствиями. Поэтому я, недавно побывавший в мировых центрах цивилизации, без снобизма, но с определенной долей иронии и любопытства разглядывал все вокруг. Было такое ощущение, что я в машине времени вернулся на несколько десятков лет назад, в прошлое. Это, не в обиду будь сказано измайльцам, проглядывалось во всем: в домах, дорогах, магазинах, во всей инфраструктуре города и даже в одежде жителей. Мне было интересно и радостно быть на этой экскурсии в прошлое. Я уже ни в коем случае не жалел, что решился на поездку сюда. Из дня завтрашнего, о котором так много говорили организаторы мюнхенской олимпиады, во вчера, так похожее на кадры довоенных документальных фильмов.

С хорошим настроением, выполнив дневную программу нашего пребывания, вечером мы ужинали в ресторане, естественно, лучшем в городе. С нами были два старых товарища Гриши. Оба бывшие боксеры. Один успешно работает старшим тренером в спортивной школе, а другой плавает капитаном на большом судне по Дунаю.

Капитан, хоть и был заранее немного "подшофе", выглядел очень эффектно в своей капитанской форме с широкими галунами на рукавах и погонах на фоне танцующих местечковых ресторанных завсегдатаев, на фоне таких же картинок из прошлого, как и весь город. Молодые девчонки нет-нет да и бросали взгляды на почти сорокалетнего обладателя завораживающей морской формы. А он ничего этого не замечал, польщенный неожиданным знакомством с олимпийским чемпионом. Он практически не участвовал в наших разговорах, а только восторженно смотрел на меня и слушал.

А ресторан жил своей жизнью. Оркестр играл почти без перерыва, так как на радость музыкантам заказы, естественно, платные, сыпались один за другим:

— А сейчас для нашей именинницы Люсенки мы исполним...

— Для Николая Петровича от друзей музыкальный подарок...

И шло, и ехало. Танцы, веселье, шабаш.

"Когда дошло веселье до точки", наш уже достаточно захмелевший капитан нетвердым голосом изрек, обращаясь ко мне:

— Для меня большая честь... Я хочу заказать для вас песню. Какую вы хотите?

— Какую еще песню? Сиди спокойно, — осадил его Гриша.

— Нет, но я же с уважением.

— Слушай! Мы же хорошо сидим. Не надо этих местечковых понтов.

— Ну, пожалуйста.

— Успокойся.

Капитан сделал попытку подняться.

— Ты куда?

— Ну, хоть пописать можно?

— Можно, если обещаешь не заходить в оркестр.

Он сделал жест, похожий на обещание, и классической походкой моряка, вразвалочку, пошел к выходу мимо оркестра. Мы, все трое, внимательно проводили его взглядом, контролируя его перемещение по залу, пока он не скрылся за дверями туалета.

Пронесло. Нам эта ресторанный популяризация была бы нестатия. Да и вообще, от подобных вещей я и бежал из Одессы. А тут такая перспектива! Ну, придумал!

Вернулся наш капитан как-то подозрительно незаметно, и весь какой-то задумчивый.

— Ты в оркестр не заходил?

В ответ он что-то невнятно промывал и отрицательно помотал головой.

— Молодец!

И в это время из оркестра донеслось:

— А сейчас для нашего дорогого гостя из Одессы...

Мы все дружно, как по команде, внимательно посмотрели на капитана, который с глупейшим видом героя Вицина из "Кавказской пленницы" смотрел то в тарелку, то куда-то в сторону.

— ...олимпийского чемпиона...

Ну, говнюк! Просили же, как человека.

— ...по боксу...

Опа! Это что-то новенькое.

— ...Дана Позняка...

У нас вытянулись лица. Неужели наш хмельный капитан все перепутал? Оказывается, все это время он был абсолютно уверен, что я знаменитый боксер из Прибалтики. Когда мы знакомились, он что-то недоулыблялся. Ян Железняк или Дан Позняк прозвучало для него, видимо, одинаково.

— ...друзья дарят песню "Шаланды, полные кефалей".

Мы уже не могли на него сердиться. Мы просто ржали. И наш хохот постепенно стал менять выражение лица нашего бравого капитана. У него вместо глупейшей озабоченности даже появилось на лице подобие улыбки. Ну а дальше — просто цирк.

Вместе с бравурными звуками популярной одесской песни полресторана встало и направилось к нам. Кто с бумажкой, кто с меню, кто с денежной купюрой, кто с документом, кто просто с салфеткой. Пришла пора раздавать автографы. И я никого не разочаровал. На всем, что мне подсовывали, я четко подписывал — Дан Позняк. Никого не обидел. Что народ хотел — то и получал.

Наш капитан просто ожил. Он четко организовал очередь, чтобы не было давки, контролировал порядок. А люди шли и шли. Их было так много, что казалось, будто уже повалил народ и с улиц Измаила, города воинской доблести и славы на берег Дуная. И когда все это закончилось, он продолжал отгонять от нашего стола желающих пообщаться с мировой знаменитостью бокса. Хорошо ведь сидим!

На следующий день мы с прекрасным настроением продолжили нашу программу работы и отдыха, с доброй улыбкой вспоминая, как вчера мы завоевали Измаил.

И вспоминая вчерашние перипетии, не могли понять, как обманул нашу бдительность наш капитан. А он, видимо, никак не мог понять, зачем великий Дан Позняк променял родную Прибалтику на неродную, хоть и знаменитую Одессу.

Фотостудия "Либерти" представляет снимки Константина Димпула

Александр РАПОПОРТ**РАССКАЗ БЕЗ НАЗВАНИЯ**

Приехав в Одессу со своей невестой, я застал бабушку неизлечимо больной. Две ее сестры умерли от рака, эта же болезнь была у нее. Диагноз от больной скрывали, но она, скорее всего, не питала иллюзий... В больнице состоялся консилиум, рекомендовал оперировать. Сделали общий наркоз и к операции приступили, но, удивившись в обширности поражения метастазами, хирург продолжать отказался. Не имеет смысла. Когда действие наркоза кончилось, она открыла глаза и спросила: "Так быстро?"

— Все прошло отлично, — ответил хирург.

Вскоре после этого бабушку выписали из больницы.

В ее комнате царил полумрак и запах лекарств. Верхний свет был погашен, шторы задернуты. Горела только небольшая настольная лампа, перенесенная на тумбочку у кровати. При таком освещении тени на лице обозначились резко обычного. Бросалось в глаза, как бабушка исхудала за время болезни. Мне хотелось рассказать ей о том, что могло бы обрадовать, — перед приездом я обнаружил, что ее предок упомянут в сочинении Пушкина.

О своем дворянском происхождении в те социальные времена бабушка, депутат горсовета и заслуженный учитель республики, говорила редко и только в узком кругу. Умение себя подать, изложить свое мнение отличало ее от коллег. Но проявляла она его моментами, лишь тогда, когда считала крайне необходимым. А в основном, умела находить некий общий тон, которого с окружающими

и придерживалась, так, чтобы соответствовать советскому поведенческому стандарту, "быть в коллективе". Главным в общении с внешним миром было добродушие, эмоциональная отзывчивость, внимание к собеседнику. Каждому адресовалась улыбка (это задолго до победоносного шествия голливудской кинопродукции). При этом она делала для себя достаточно жесткие оценки людей, с которыми сводила судьба, и делилась ими, если считала, что такое знание на пользу ее близким.

Иногда она рассказывала неожиданное.

Например, о приезде Николая II в Одессу вместе с августейшим семейством. Облик царя ей не понравился, она нашла его недостаточно царственным.

Или о близком родственнике, завсегдатае ипподрома и участнике Белого движения, который в 20-м году вынужден был вместе с остатками своего полка отплыть в Константинополь; с тех пор никто из родных ничего о нем не слышал.

Или о том, что под впечатлением фильмов с Верой Холодной она тайком от родителей поступила в киношколу при Одесской киностудии, но вскоре это как-то раскрылось, и ее отец, а мой прадед, силой дочь оттуда увел.

От нее я впервые услышал стихи Ахматовой, однажды она наизусть прочитала мне "Сероглазого короля". "Когда мы в молодости, парни и девушки, собирались своей компанией, у нас читали такие стихи... Сейчас вкусы несколько упростились", — сказала бабушка.

Еще был рассказ о том, как в тридцатые годы она вместе с мужем, моим дедом, работала в специальной колонии для детей репрессированных родителей. Родители совсем недавно были крупными партийными и государственными чиновниками. Если в колонию приезжал "черный ворон", это означало, что кого-то из учителей увезут навсегда. Поскольку дед преподавал историю, что было равносильно хождению по минному полю, оба они не сомневались, что однажды — вопрос времени — "черный ворон" придет и за ним. На этот случай дома заготовлен был узелок с бельем.

Подобных историй было немало. Хотя я неплохо, как мне казалось, знал ее биографию, всегда в ней существовали какие-то неосвещенные зоны, вроде бы не вытекающие из предыдущего неожиданного поступка, не известные мне повороты. Такие сюжеты она извлекала из памяти, когда считала, что настало уже время, "можно об этом рассказать".

Ребенком у меня был особенный повод гордиться бабушкой. Рядом с Соборной площадью, куда к гранитному памятнику губернатору Новороссийского края Воронцову фределка приводила меня гулять, рядом, повторяю, с этой площадью имелась в городском хозяйстве доска с фотографиями "передовиков коммунистического труда". На ней висела и фотография бабушки с орденом Трудового Красного Знамени на груди. Мне нравилось приводить к этой доске сверстников и хвастать, что "вон тот вот" орден я видел вживую и держал в руках. Сегодня меня удивляет, что так отме-

чен был не преподаватель идеологической дисциплины, а школьный учитель русского языка и литературы.

Бывало, мы шли с ней по улице, к нам подходил бывший ее ученик, выпускник срединной школы № 47 города Одессы и спрашивал: "Марьяна Леонтьевна, вы меня узнаете?". Бабушка улыбалась и всегда правильно называла фамилию. Полное ее имя было Марианна, в обиходе переделанное в Марьяна, а в семье и для самых близких людей она была Мара.

— Смотри, что я нашел.

Я взял с полки дореволюционного издания томик с потертым уже золотым тиснением и раскрыл "Кирджали", то место, где речь шла о сражении турок с местными повстанцами под Скулянами.

"Сражение под Скулянами, кажется, никем не описано во всей его трогательной истине. Вообразите себе сымасот человек арнаутов, албанцев, греков, болгар и всякого сброду, не имеющих понятия о военном искусстве..." — ладно, это пропускаем... ага, вот здесь: "Турки рады были бы действовать картечью, но не смели без позволения русского начальства: картечь непременно перелетела бы на наш берег. Начальник карантина... сорок лет служивший в военной службе, отроду не слышал свиста пули, но тут бог привел услышать. Несколько их прожужжало мимо его ушей. Старичок ужасно рассердился и разбил за то майора Охотского пехотного полка, находившегося при карантине. Майор, не зная, что делать, побежал

к реке, за которой гарцевали делибаши, и погрозил им пальцем. Делибаши, увидя это, повернулись и уехали, а за ними и весь турецкий отряд. Майор, погрозивший пальцем, назывался Хорчевский. Не знаю, что с ним сделалось".

— А в конце тома, в примечаниях к рассказу, сказано: майор Охотского пехотного полка — Карчевский (у Пушкина не совсем точно).

Фамилия бабушки была — Карчевская.

— Он пишет, — продолжал я: — "Не знаю, что с ним сделалось". Но ведь это происходило недалеко отсюда, в Бессарабии. Легко себе представить, что выйдя в отставку, майор Карчевский решил поселиться в Одессе и купил дом на Ближних Мельницах, где ты и родилась меньше чем через сто лет после этого события.

Внимательно выслушав, никак не прокомментировав услышанное, она сказала: "Я сейчас к вам выйду". Попросила отвернуться, встала с постели и ушла за ширмы. Выйдя оттуда в прямого покроя темной юбке и белой блузке, заколотой у воротника брошью, спросила: "Я comme il faut?"

Я не знал тогда, что ей ежедневно кололи морфий, чтобы снять боль. Не догадывался, чего это стоит — так держаться.

Пройдя в другую комнату, к столу, где все сидели, она познакомилась с моей будущей женой, произнесла приличествующие случаю слова, благословила. Всю жизнь она была человеком правил и считала, что именно так ей сейчас следует поступить.

Вскоре мы уехали. Через неделю после нашего отъезда бабушка умерла. Мне не удалось быть на похоронах.

Такой она мне и запомнилась в тот последний раз, на границе жизни и смерти: в прямого покроя темной юбке, в белой блузке, заколотой у воротника брошью, и с этим вопросом: "Я comme il faut?"

Людмила САУЛЕНКО**Запад есть Запад, Восток есть Восток?..**

Строки стихотворения Редьярда Киплинга, из которого заимствовано название этой статьи, известны едва ли не всем: "Запад есть Запад, Восток есть Восток, и им не сойтись век...". Именно вопросительная интонация возникала на выставке живописи Виктора Ли в Одесском литературном музее. Ли — китайский художник, выпускник Шаньдунского художественного университета, получивший признание в родной стране. Но кроме Китая Виктор учился и выставлялся в России, а затем приехал получать художественное образование в Одессе, в Южноукраинском педагогическом университете им. Ушинского. Почему? — Тут важны как ответ, так и вопрос. Ведь феномен Ли связан не только с личным интересом художника. Он связан и с новыми явлениями в искусстве Китая, и с тем общемировым процессом, который получил название глобализации. Поэтому для Одессы оказался так интересен феномен Виктора Ли: вскоре прошла еще одна его выставка, организованная Музеем современного искусства Одессы.

На первой выставке Ли показал, в основном, пейзажи и натюрморты. Прекрасно скопированные, свободно, "вкусно" написанные, они открыто говорят о том, чем именно пленяла китайского художника европейская живопись. Это импрессионизм. Ведь традиционная китайская живопись ("го хуа") выполняется черной либо серой тушью на бумаге или шелке и предполагает лаконизм, граничащий, на европейский взгляд, с чудом. Да, в сущности, и европейское понятие картины чуждо китайскому вкусу. Китайцы создают свитки. И если вертикальный свиток может некоторое время висеть на стене, уподобляясь европейской карти-

не, то горизонтальные свитки рассматривают, разворачивая, — то есть они уподобляются скорее бесконечной живописной книге.

Хотя Китай впервые познакомился с европейской живописью в семнадцатом веке, специальные кафедры западной живописи появились только в последнее десятилетие. Выставка Виктора Ли дала нам редчайшую возможность увидеть, что же нового дала китайцам европейская картина, — то есть посмотреть на себя "с китайской стороны". К примеру, китайское искусство не знает натюрморта, изображения мертвой природы. Если изображены цветы, это всегда ветка живого дерева или кустарника (жанр "цветы и птицы"), элемент единого живого мира. Любовь художника Ли к жанру натюрморт — свидетельство сделанного им для себя открытия, что предмет интересен как таковой, он может быть объектом самоценного любования. Пейзажи, которые увлеченно пишет Виктор, в этом аспекте тоже чрезвычайно интересны.

Китайское искусство не знает ни прямой ("ренессансной"), ни обратной ("иконной") перспективы. Каждый объект изображения живет в собственной системе координат, и поэтому может быть изображен со всех сторон. Европейская система перспективных сокращений открыла перед художником возможность целостного изображения пространства, и Ли увлеченно работает в жанре пейзажа, создавая такие обаятельные вещи, как "Улица", "Зимний день", "Извилистая тропинка". Но освоением европейских уроков он не ограничивается, и этим-то интересен для зрителя.

Есть в культуре понятие билингва. Это человек, одинаково владеющий двумя языками, способный гово-

рить и думать на них без перевода. Ученые утверждают, что мир билингва намного шире, чем мир человека, владеющего лишь одним языком. Ведь каждый язык по-своему описывает мир. Не так ли и в изобразительном искусстве "билингв" получает больше возможностей для художественного видения? Выставки Виктора Ли дают интересный материал для таких размышлений. Ведь в "китайской" выставке Виктор показывает решения, для нашего европейского глаза непривычные, неожиданные...

К примеру, веер, этот едва ли не главный признак "китайскости" в европейском интерьере и бытовом сознании. Виктор Ли помещает его в европейскую пространственную систему: он разворачивает бумажный веерный полусегмент на плоскости и располагает на нем персонажей. Изысканность ритмической игры линий, в которые законпаны фигурки, лаконизм сдержанного расчлененного пятна, замедленная грация, на европейский вкус несколько ироническая, — все это воспринимается как игра с "китайскими бисеринками". Игра, создающая ощущение некоей полуреальности. Это не попытка облегченного пересказа китайского сюжета для европейца (адаптация китайского изобразительного языка для европейского глаза), а именно художественный билингвизм, двуязычие. Явление для нас редкое и уже этим привлекательное.

Живой интерес, который проявили одеситы к выставкам китайского художника Виктора Ли, не случаен. Он наглядно демонстрирует нам, что глобальное переплетение культур — факт, с которым нам предстоит жить в этом столетии. Жить, в том числе и в Одессе.

Саша ЧЕРНЫЙ**В Одессе**

ПУБЛИКАЦИЯ

В этом году в Москве вышла книга "Одесса в русской поэзии", составленная журналистом и писателем Александром Рапопортом. Думается, эта книга будет переиздаваться и дополняться, так как многие значительные русские поэты в ней не представлены.

К примеру, Саша Черный, родившийся в Одессе, здесь ощутивший, что значит "арбузной коркой пахнут воды...". Стихотворение "В Одессе" Саша Черный написал уже в эмиграции и опубликовал в своей книге "Жажда", вышедшей в Париже в 1923 году.

Вдоль деревянной
длинной дамбы
Хвосты товарных поездов.
Тюки в резенте, словно ямбы,
Плещут чистотой рядов.
Дымят гиганты-пароходы,
Снуют матросы и купцы.
Арбузной коркой пахнут воды —
И зыбь и блеск во все концы.
На волнорезе так пустынно...
Чудак в крылатке парусинной
Снимает медленно с крючка
Виртлявоскользкого бычка.
Всю гавань тихо и лениво
Под солнцем добрым
обойдешь...
Воркуют голуби учтиво,
Босаяк храпит в тени рогож.
Кадит корицей воздух летний...
Глазеешь на лихой народ
И выбираешь, как трехлетний,
Себе по вкусу пароход.
Вперед по лестнице гигантской!
Жара бросает в пот цыганский,
Акаций пыльные ряды
С боков свергаются в сады.
Дополз до памятника "Дюку"...
День добрый, герцог Ришелье!
Щитком к глазам
подносишь руку:
Спит море — синее колье...
В ребре среди памятника —
бомба,

Жужжит кольцом цветник детей,
И грек, исполненный апломба,
Раскрыл, пытая, лоток сластей.
Сажусь у лестницы на кладку, —
Мороженщик снял с круга кадку.
Сквозь Николаевский бульвар
Плывет змея бесчечных пар.
Голландский шкипер
белоснежный
Склонил к Кармен одесской
лоб.
Взлетает смех,
как жемчуг нежный,
Играет палкой местный сноб,
Горит над жирным турком
феска,
Студент гарцует среди девиц...
Внизу среди морского блеска
Чернь пароходных верениц...
Казаки, статные, как кони,
Кружком расселись в павильоне...
Урядник грузен, как бугай.
Запели... Эх, не вспоминай!

Юлия БЕЛОМЛИНСКАЯ

Дело гражданина Бендера

Я почти десять лет прожила без телевизора, и поэтому нынче, не теряя пресловутой "духовности", смело могу себе позволить иногда часами глядеть в него бессмысленно и замороженно. Я с отвычки до сих пор удивляюсь, как это в нем картинка движется.

На днях важная информация прервала мой заколдованный сон: оказывается, главная звезда нашего театра и кино Олег Меньшиков снимается сразу в двух сериалах.

Один по мотивам пастернаковского "Доктора Живаго", а другой — "Золотой теленок" Ильфа и Петрова.

Обе вещи уже имеют свою кинематографическую историю. Остапом Бендером успели побывать уже две звезды, Юрский и Миронов, а также свежий артист Гомиашвили и какой-то неведомый француз, ибо была прошедшая незаметно французская экранизация.

Что касается доктора Живаго — то кто ж его не знает! Кто же не покатывался со смеху, глядя на сладкого Омара Шарифа с прилизанными усиками, окруженного опереточными "руски казак". При этом посреди развесистой голливудской клюквы "а ля русс" существовала абсолютно настоящая Лара — великая Джули Кристи. Лара очаровала всех, как некогда Одри Хепберн — Наташа Ростова, тоже настоящая, посреди бутылочной чепухи на тему "Войны и мира".

В общем, можно сказать, что Живаго и не играли, а Бендера поиграли дай Боже.

И тем не менее, я совершенно уверена, что Меньшиков справится с обеими ролями. Ведь обе роли — это его главная и постоянная тема, тема русского интеллигента. Когда-то она была заявлена его дебютом — "Покровскими воротами", и он никогда с ней не расставался.

То, что роман "Доктор Живаго" рассказывает о страданиях русского интеллигента, — это ясно всем. Что касается дилогии про Остапа, то жанр книги — это, конечно же, классический плутовский роман.

Вопрос о причастности Остапа к интеллигенции никогда не возник бы, если бы "злая старуха" Надежда Мандельштам в своих "Воспоминаниях" не обвинила бы эту книгу в наезде на русскую интеллигенцию.

Она утверждает, что книга полна издевательств над замученным революцией и советской властью интеллигентом, и апофеозом этого издеательства является порка Васисуалия Лоханкина на коммунальной кухне.

Надежде Мандельштам, естественно, начали возражать. Сначала просто писали, что Васисуалий — это карикатура на некоего бездельника и альфонса, хоть и называющего себя интеллигентией, но имеющего к ней весьма отдаленное отношение. И что в книге есть настоящие, чистые и светлые образы интеллигенции, например, инженер Треухов с его мечтой о старгородском трамвае или та же Зося Синицкая — студентка.

Но потом нашелся храбрец, который впервые осмелился заметить, что сам герой романа — плут Остап — тоже является интеллигентом, что "Остапиада" — самая что ни на есть интеллигентская книжка, и именно поэтому она так любима всякими "физиками и лириками". Храбреца этого немедленно заклевали разные критики и литературоведы. Конечно же, москво-питерские, они просто не могли позволить объявить русским интеллигентом двухсотпроцентного одессита Остапа.

А я тогда, живя в Америке в тесном соседстве с южнорусской, в том числе одесской общиной, имея возможность наблюдать ее нравы и манеры, согласилась с москво-питерским вердиктом: книжка, безусловно, не антиинтеллигентская, но Остап к слову "интеллигент" не имеет никакого отношения.

Но давеча, услышав о двойном проекте Меньшикова, я снова задумалась над этим вопросом и, сняв с полки дилогию, перечитала ее очень внимательно, пытаюсь найти ответ.

И теперь я, конечно же, твердый и убежденный адвокат Остапа Ибрагимовича Бендера.

Для произнесения защитной речи мне, в первую очередь, пришлось сформулировать само понятие "интеллигент". Чем оно отличается от понятия "интеллектуал", или "человек умственного труда". Мне помог Эдуард Лимонов, сказавший в интервью: "Я интеллектуал, но я не интеллигент. Для меня нет табу".

Да, это ключ к формулировке. "Интеллигент" — это три составляющие:

Во-первых, высокий "ай-кью".

Во-вторых, хорошее систематизированное образование.

И в третьих, некий моральный кодекс, система запретов, то, что в старые времена называлось словом "порядочность".

Стало быть, умный, образованный и порядочный человек — это "интеллигент". И не только русский — интеллигент любого народа попадает под это определение. Заметьте, среди этих трех необходимых и достаточных нет понятия "культурный". То есть хорошие манеры — чудесно, если они присущи интеллигенту, но их может и не быть. Интеллигент может быть грубоват, он может быть до некоторой степени хулиганом или клоуном. Он может свалиться пьяный в канаву или, например, по "иронии судьбы" (а также водки, смешанной с пивом) улететь в невменяемом состоянии из Москвы в Ленинград, и при этом остаться интеллигентом. Такой вот парадокс.

Вот теперь, когда есть четкая формулировка, я начинаю свою речь.

Судите сами, господа присяжные заседатели, проходит ли мой подзащитный по всем трем категориям.

Для начала придется рассказать вам про детство и юность героя.

Как известно, прообразом для Остапа, то есть для его словечек, шуточек и внешности служил некий одесский человек по имени Остап. Он был старшим братом поэта-символиста, с которым дружили Ильф и Петров.

Насколько я понимаю, этот реальный Остап, в начале двадцатых работавший в отделе борьбы с бандитизмом, в одесском угрозыске, был абсолютным кумиром юных Ильфа и Петрова. То есть это был такой Глеб Желтов одесского разлива. Остап был знаменитый романтический Рыцарь Революции, а брат его был начинающей поэтической знаменитостью. Кто знает, может, из него вышел бы еще один Багрицкий или Светлов, но в начале двадцатых его убили бандиты, перепутав со старшим братом Остапом, с которым давно хотели покончить. Эта была история, всколыхнувшая всю Одессу. Настоящий жестокий романс.

В последнем "куплете" глава одесских налетчиков, чуть ли не сам Мишка Япончик, якобы похоронивший бедного поэта за свой счет под многократный салют из бандитских наганов, поздно ночью пришел к безутешному брату Остапу просить прощения за чудовищную ошибку. Остап его простил, и они пили всю ночь и читали наизусть стихи погибшего символиста. Вот такие сюжеты иногда лихо закручивает жизнь. Недавно я обнаружила у раннего Селинджера рассказ с точно таким сюжетом. Правда, там убивают вместо брата композитора, проигравшегося в карты, брата поэта, случайно севшего раз, в кои-то веки, за рояль.

Реальный Остап уехал в Москву примерно в одно время с Ильфом и Петровым, Катаевым, Олешей и всей этой бражкой.

Какое-то время он работал в московском угрозыске, а к концу тридцатых, когда каждому, кто не дурак, стало "кое-что ясно", ушел оттуда и стал чем-то не вполне понятным — то, что называется словом "хозяйственник". В общем, "лег на дно". Вынырнул лишь однажды, когда началась война: пятидесятилетний Остап ушел добровольцем и провоевал всю войну, до самого Берлина. А потом опять жил так, чтобы о нем не вспоминали.

Когда-то в конце двадцатых он охотно давал интервью. Ильф и Петров не скрывали, что он прообраз Остапа, но к середине тридцатых книга была негласно запрещена, изъята из библиотек и пробыла в полуподполье около двадцати лет. Все эти годы Остап-прообраз жил тише воды ниже травы, благодаря чему уцелел, прожил очень долгую жизнь и умер где-то в восьмидесятых. С наступлением "оттепели" и возвращением диалогов в "любимые народные книги" эта история снова всплыла, вместе с нею всплыл и тот, реальный Остап. Снова были какие-то рассказы о нем журналистов, и сам он с удовольствием рассказывал об одесской юности, о дружбе с Ильфом и Петровым и о своей причастности к рождению Остапа Бендера.

Вот такая история.

Но это история человека, подарившего Остапу имя, внешность, лексику и манеры.

Между тем мне удалось вычислить, внимательно читая книгу, биографию Остапа — литературного персонажа. Она отнюдь не совпадает с биографией прообраза. В первую очередь, возраст. Он указан вполне точно.

В 1927-м году в уездный Старгород входит "молодой человек лет двадцати восьми". Слегка округлив, мы получаем тот факт, что Остап Бендер — ровесник века.

Из этого следует, что он точно не воевал в первую мировую, а к семнадцатому году, когда все полетело в тартарары, благополучно успел окончить гимназию.

Гимназия как раз и была одним из аргументов того заклеванного столичными критиками защитника Остапа. Он писал, что Остап произносит фразу: "Из какого класса гимназии вас вытурили за неуспешность? Из шестого?". И когда Васисуалий признается, что из пятого, Остап говорит: "Значит, до физики Краевича вы не дошли".

Из этого следует, что сам-то Остап дошел до этой "физики Краевича", то есть до выпускного класса. Далее тот защитник писал, что любой человек, окончивший царскую гимназию, — автоматически хорошо образованный человек, стало быть, интеллигент.

Да, по всему выходит, что Остап благополучно успел окончить гимназию.

Вполне конкретную, в книге она несколько раз упоминается — это известная одесская гимназия Илиади. Русская гимназия, дающая классическое образование. Ну, теперь у многих дети ходят в гимназию, и что там за образование, все примерно знают. В плане гуманитарном выпускник гимназии подкован примерно на уровне дипломника университета советских времен. Так по образовательному цензу мой подзащитный смело проходит в интеллигенты. Я думаю, что в его "ай-кью" тоже сомневаться не приходится. Котелок у Остапа явно варит — дай Бог каждому.

Остается третье — моральный кодекс. Именно на отсутствие коего у героя, а в первую очередь, у авторов диалогов, как раз и наехала Надежда Мандельштам. И вот тут я смею выразить свое глубокое несогласие.

Для начала попробуем вычислить социальное и этническое происхождение Остапа.

Ясно, что Остап — одессит. В книге есть хитрый трюк — "отстранение". Одесса как бы раздваивается: с одной стороны, упоминается реальный город, из которого Остап, безусловно, родом, и отдельно от нее существует мифический Черноморск, на самом деле все та же Одесса, но этот город не фиксируется как родина Остапа. Ну, это обычный литературный прием. Значит, все-таки одессит, окончивший гимназию Илиади.

Гимназия Илиади была заведением не для бедных. И заведением глубоко светским. Ясно, что Остап — еврей.

Особенно это ясно всем видам антисемитов. Еврейское происхождение Остапа — одна из причин неприязни патристически настроенных интеллектуалов к этой книге.

С перестройкой была развернута целая кампания по борьбе с народной любовью к бедному Остапу. Народу долго пытались объяснять, что "не наш" он и не достоин нашей любви. С особой злобой упирали на то, что ажиотаж вокруг "Остапиады" раздули физики. Слово "интеллигент" для юдофоба еще до семнадцатого года стало, во-первых, ругательным, а во-вторых, синонимом слова "еврей", а вот слово "физик" приобрело эти два качества несколько позже. Я лично не раз слышала, как человек говорит: "Ильф, Петров, Багрицкий там всякий — все это херня, это все эти ваши "физики" придумали. Тьфу!".

Физики... А у меня вот двойка по физике всю жизнь. И до физики Краевича я никогда не дошла.

А Остап — дошел!

Тем не менее, то, что Остап — "еврей еврейч", ясно лишь одним антисемитам. Они нас в этом и убедили. А сами Ильф и Петров в этом никого не пытаются убедить.

Для них это вообще неважно. Для них важно то, что Остап — одессит. То есть человек одесской, "южанской" культуры. Но — русскоязычной при этом. Остап разговаривает на очень хорошем русском литературном языке. И это не случайно, это отражение некоей тенденции, традиции воспитания, которая возникла в среде богатых одесситов в начале прошлого века, невзирая на их этнические и религиозные корни.

На самом деле я нашла некое доказательство того, что наполовину он еврей, точно.

Вот это странное словосочетание: "Папа — турецко-подданный".

Современному человеку оно ничего не говорит, но в той старой, дореволюционной Одессе, жизнь которой была завязана на хлеботорговле, жило множество турецких евреев — хлебных маклеров. Евреем и турецким подданным был еще один "герой" русской истории — чудовищный Нафталий

Френкель, духовный отец сталинской системы лагерей. Это ему принадлежит знаменитая фраза: "В первые три месяца мы должны взять от заключенного все, а потом он нам не нужен".

То есть это нам кажется, что "папу — турецкого подданного" Ильф и Петров сочинили для смеху, но в старые времена одесский еврей — турецкий подданный — было обычное и совершенно не смешное явление.

Папа Остапа, похоже, не врач, не адвокат, не владелец аптеки, а именно хлебный маклер еврейско-турецкого происхождения. Отсюда — русскоязычность и русскокультурность Остапа. Его отец — космополит и ассимилянт, как многие торговые люди. Остап не привязан ни к какой религиозной конфессии.

Он — атеист, язычник, это как раз подходящий вариант для ребенка из смешанной семьи, особенно в те сумасшедшие времена. Так что мать его может быть и русской, и польской, и гречанкой. Для чистого еврея у него слишком уж решительный подбородок. Вообще, такая замечательная "медальная красота" очень свойственна полукровкам.

С уверенностью можно сказать одно: никаким евреем Остап себя не считает, русским тоже. Он, похоже, потомственный космополит, и, пожалуй, это единственная точка, в которой он сходится с советской властью: космополитизм буржуазного сына Остапа вполне совпадает с интернационализмом победивших коммунистов. Во всем остальном Остап, как известно, с советской властью расходится.

Как вы помните, в оба романа Остап Бендер входит пешком и абсолютно нищим.

То есть не просто жулик или авантюрист, но в обоих случаях — пешеход.

Человек, обладающий недюжинным "ай-кью", отличным образованием, по неведомой причине в первом романе к двадцать седьмому году имеет в своем активе подержанную астролябию и яблоко. И никто не задается вопросом: а почему, собственно?

Вот тут важен факт еврейского, хотя бы наполовину, происхождения Остапа.

Ведь это происхождение давало ему, сыну богача-торговца, право на вход в "наш новый мир", построенный революцией. Дети русских купцов, промышленников, дворян — все они были "лишущцы", парии. Им требовались особые заслуги для приема в новую жизнь. А евреи после революции проканали как "пострадавшие от царизма".

Это похоже на американских негров, которые все как один числились у нас за "пострадавших от американского расизма", следовательно, они были для советской власти "родные". Благодаря этому еще при Сталине до нас доехал "о мен ривер" — Поль Робсон, а при Хрущеве первыми американскими ласточками, перелетевшими через железный занавес, стали "пострадавшие" звезды джаза.

Вот это получалось и с евреями: они поголовно числились "жертвами царизма", то бишь своими-нашими, и невзирая на социальное положение, имели возможность вступить в партию и успешно подвизаться во всех начинаниях молодой советской власти.

Правда, была и вторая сторона медали: пока шла гражданская война, для белых точно так же все поголовно евреи считались сторонниками красных. Когда приходили белые или зеленые, евреев били, опять же, невзирая на социальное положение, то есть "мочилово" шло чисто по этническому признаку.

Но в результате победили красные, и вот такому Остапу, мальчику из хорошей семьи, оснащеному прекрасным гимназическим образованием, в этой новой России были открыты все дороги. Новая власть протягивала к нашему герою свои ласковые окровавленные руки и с удовольствием нашла бы применение его хорошему образованию и блестящему "ай-кью". Получается, что при переделе страны такой вот парень с оставшимся "бекграундом" вполне подходил в "наследники". Я сама частично из семьи таких "наследников". Но я и не причисляю себя к потомственным интеллигентам.

Но мы сейчас не обо мне — об Остапе.

Почему же он, мой подзащитный, отказался от наследства? Почему месит ногами пыль с яблоком в кармане и астролябией под мышкой? Почему он не едет в роскошном автомобиле? Почему он не работает в угрозыске? Или комиссаром? Или одним из многочисленных деятелей и управителей культуры? Почему Остап — не управленец, хозяйственник? Почему, в конце концов, ес-

ли уж он жулик, он сам не стал Корейко — авантюристом высокого масштаба? Ответ на этот вопрос только в одном.

Вспомните первый выход героя. Он дает яблоко беспризорнику. Он говорит про ключ от квартиры, где деньги лежат. Денег у Остапа на тот момент нет ни копейки. У него есть астролябия, которую он мечтает продать, чтобы поужинать, и вот это яблоко.

Яблоко он отдает голодному ребенку. Это мелкий штрих, но именно такими штрихами и написан образ моего подзащитного.

Читая диологию как "Дело Бендера", я обнаружила множество маленьких незаметных поступков, из которых следует, что плут и авантюрист Остап Бендер — абсолютно благородный и порядочный человек. Вот это и есть его основное расхождение с советской властью — неблагородной и непорядочной.

Тут, конечно, незримый обвинитель может сразу напомнить мне про дутый золотой браслет и ситечко, украденное у вдовы.

Вот что я на это отвечаю. Помимо всего прочего красавец Остап еще и не альфонс. Он об этом лишь тихо мечтает, но природная порядочность мешает ему реализовать эти мечты. Вдове — богатую старую распутницу — молодой красавец Остап одарил некоторым количеством любви и ласки, спер у нее в виде компенсации, считай, ерунду, и при этом его мучает совесть! Он говорит Кисе — что это, конечно, "пошло", ссылается на безвыходное положение комиссионеров, сам у себя пытается просить прощения. В общем, вполне реальный комплекс вины. При этом вдова — это единственная реально не красивая история на всю диологию.

Что касается основных сюжетных линий обеих книг, то в первом случае Остап помогает Воробьянинову вернуть его собственное имущество, а во втором наезжает на крупного преступника Корейко с просьбой немного поделиться. То есть он никого не грабит и не обманывает — все честно.

Несмотря на то, что "Остапиада" — классический плутовский роман, Остап, срисованный со следователя, работника одесского угро, в обеих книгах ведет своего рода расследование. В первом случае это поиск стульев, а во втором — собрание досье на Корейко.

При этом по всей ткани диологии разбросаны бесконечные остоповские "луковки" — мелкие поступки, характеризующие его, обладателя не самых лучших манер, как человека доброго и благородного. Вспомните, он велит притормозить машину и взять убегающего от толпы Паниковского. На хрена ему, спрашивается, старый идиот, укравший гуся? А просто — жалко.

Он, в общем-то, по-матерински заботится о другом малосимпатичном старике — Кисе Воробьянинове.

И конечно же, он искренне привязывается к "экипажу Антилопы".

Там, в "Золотом теленке", посреди всего этого смеха есть сцена, у большинства людей вызывающая слезы, — смерть Паниковского. Удивительным своим талантом Ильф и Петров, великолепные стилисты, достигают в этой сцене поистине гоголевской "шинельной" ноты.

За сценой похорон следует другая, почти незаметная. Остап садится в поезд, а потом выскакивает, догоняет уходящих антилоповцев и сует в руку Козлевицу весь их общий на тот момент капитал — пятнадцать рублей. Как мамаша, пихающая деньги детям. За себя он не переживает, переживает за ставших своими охломонов.

В середине "Теленка" Остап говорит, что он никогда никого не убивал. Сейчас, слава Богу, такую фразу может сказать о себе большинство молодых мужчин, но в "Теленке" — то на дворе примерно тридцатый год. И Остапу — тридцать. В его семнадцать началась революция, гражданская война, и, соответственно, у любого из его ровесников мужского полу было множество различных возможностей кого-нибудь убить. Или самому быть убитым.

Остап ни в каком месте не заявлен трусом. Более того, он явно не хлюпик физически. Но видно, что он сильно не любит драться. Его метод — все-таки, если можно, убежать.

Остап периодически дает по шее кому-то из своих подопечных или соратников, именно по шее, а не по морде. В данном случае он просто выполняет добровольно возложенные на себя функции "мамаши", то есть кормит, поит, обеспечивает ночлег, а в случае непослушания награждает оплеухами. И Киса, и антилоповцы при Остапе — на положении детей.

Остап не просто благородный и порядочный. Он человек с аллергией на запах крови, на все виды насилия. Получается, что Остап — абсолютная плоть от плоти своих создателей, одесских, "южанских" и, тем не менее, русских интеллигентов Ильфа и Петрова.

Вот она, русская интеллигенция, которую интеллект Ленин определил как "жидкое

дерьмо". Остап — чистоплюй. И никакой живой ум, никакое хорошее образование и природное обаяние не поможет ему стать богатым и успешным в той, послереволюционной России.

Сын Ильфу и Петрову, племянник другим представителям южной школы — Олеше, Булгакову. В общем-то, три великих "южанских" романа: наша "Остапиада", "Зависть" Олеси и "Мастер и Маргарита" Булгакова.

"Зависть" выпадает, она не стала всенародно любимой книгой, потому что в ней не оказалось никого, кого можно было бы полюбить. Читая "Зависть", можно полюбить только талант писателя Олеси. Олеша взял реванш на детях: "Три толстяка" наполнены героями, в которых мы влюбляемся с детства и на всю жизнь.

У Булгакова — да. Но Булгаков был потом. А сперва — вот эта народная мистерия. Сказание об Остапе.

Я рассказала вам его прошлое. Там есть какие-то пробелы. Что же он все-таки делал в Одессе во время революции и гражданской войны?

Я сообразила, что тусовался с творческой интеллигенцией. И не обязательно в Одессе. Прекрасно образованный мальчик начал

оно выглядит. Убежать не удалось. Представить себе вот такого Остапа выжившим в тридцатые, сороковые и пятидесятые — нереально. Парень явно не жилец. Не выживет. Как не выжили и его отцы — Ильф и Петров. От лагерей Ильфа и Петрова с их шуточками и поездочками в Америку спасла одного — болезнь и ранняя смерть, другого — война и гибель на ней. Остап, я думаю, и до войны бы не дотянул.

Впрочем, есть ровно один вариант голливудского конца, и этот вариант стоит того, чтобы чисто по-американски написать продолжение любимого романа.

Единственный шанс Остапа, чьего уголовный кодекс, но все-таки являющегося по профессии мелким жуликом, — это сесть в начале тридцатых по уголовке. Сесть как "социально близкому", но, скажем, за хищение какой-нибудь государственной собственности — надолго. Как "социально близкому" уголовнику попасть в "придурки".

Я отчетливо вижу Остапа, например, режиссером или актером какой-нибудь Гуляговской самодеятельности.

Вот так наш герой, пожалуй, и смог бы дотянуть до середины пятидесятых и в цветущем возрасте пятидесяти пяти лет выйти за лагерные ворота... кем?

вариться в этом красочном борще, в котором варились тогда мальчики и девочки и в Киеве, и в Одессе, и в Москве, и в Питере, неоднократно пересекая страну из конца в конец. Перетекая из одной тусовки в другую. Можно легко представить себе его в любой из этих тусовок. И в коммуны Дома искусств, и на чердаке у Цветаевой, и в "ванной-спальне" у Есенина с Мариенгофом...

Все мемуары о тех годах полны вот такими бойкими, "не пришей к губе рукав" южанами. Все они красавцы, все они таланты, все они поэты... Остап, как вы помните, совершенно не умеет рисовать, но литературный дар у него, безусловно, имеется. И конечно же, склонность к режиссерскому осмыслению пространства.

Есть еще одно подозрение. Мало кто замечает, что Остап не бесконечно одинок. У него, если приглядеться, есть друзья. Это бывшие студенты-химики Коля Красоткин и не появляющийся в романе Пантелей Антопуло, судя по фамилии — его одесский земляк. Отношения Остапа с Колей и незримым Антопуло явно близкие. Запросто можно предположить, что в какой-то момент Остап успел побыть и московским студентом-химиком. Вот такое стопроцентно интеллигентское прошлое.

Сочинять будущее Остапа даже и не хочется, до того безрадостно и безнадежно

Ну конечно, писателем!

С его-то наблюдательностью, ярким языком и несомненным литературным даром он не выдержал бы и взялся за мемуары. Что-то успели бы протаскать в "Новый мир" или в какую-нибудь "Звезду Востока". На Запад пуганный Остап, конечно, ничего бы не дал. Вообще, я думаю, от Москвы он бы в какой-то момент шуганулся и вернулся бы в родную Одессу. И там устроился бы куда-нибудь... Ну, скажем, в театральные критики. Приобрел бы социальный статус члена какого-нибудь Литфонда. И годам к семидесяти, скорее всего, умер бы, — люди его поколения и его судьбы как-то не зажились на этом свете. Сердце у них чаще всего пошаливало.

"...И не то чтобы с чем-то за сорок — ровно семьдесят, возраст смертный, И не просто какой-то пасынок — член Литфонда покойный смертный..."

Это не о нем. Это Галич написал на смерть Пастернака, отца другого русского интеллигента — "Доктора Живаго".

Доктор Живаго тоже не жилец, несмотря на свою фамилию. Он умирает в середине двадцатых — Остап в это время еще скачет бодрим козликом.

На Остапа у его создателей рука сначала поднялась, а потом дрогнула.

У Пастернака, писавшего в пятидесятых, — не дрогнула.

Ему было абсолютно ясно, что ждет Жива-

го, и он не захотел его дальше мучить. Хотя и у Живаго был шанс — он доктор. Тот же шанс — придурком, в больничку. Но великий выживатель Пастернак к этому моменту уже сам так измучился, сам так устал выживать, что решил избавить своего героя от этой тяжелой работы: жить в неправильное время в неправильном месте.

Да, они могли умереть одновременно — выживатель Остап и выживатель Пастернак.

А Живаго умер раньше, почти одновременно с Ильфом. Чуть позднее умер Петров — этот умер самой лучшей смертью, на войне, защищая это неправильное, но бесконечно любимое место.

Все вы врите, Владимир Ильич, насчет жидкого дерьма — дерьмо, как известно, не тонет.

А интеллигенция тонула, еще как тонула. Полны братские могилы, полны выгребные ямы, всюду вперемежку с крестьянством, пролетариатом и служащими лежит прослойкой интеллигенция. Вместе с остальным народом ее долго и упорно косили.

Не знаю, убедительно ли позвучала моя защитная речь.

Итак, резюме, господа присяжные заседатели.

Мое мнение, что оба они — и Остап Бендер, и доктор Живаго — родные братья, русские интеллигенты. Они по одну сторону.

Правильные ребята посреди неправильного места и времени. Их непохожесть друг на друга — это непохожесть Буратино и Пьеро. Один бойкий весельчак, другой грустный нытик. Один в пудре, другой в румянах, но оба они пытаются не позволить Карабасу Барабасу дергать себя за нитки. И мечтают о Волшебной стране.

Далеко, далеко, далеко...

И никакого тебе папаши Карло.

Куда ни плюнь, всюду были сплошные Карабасы. Потом их сменили Дуремары. Потом — Коты Базилио и Лисы Алисы. На этом мы, кажется, стоим и по сей день.

Единственное, что утешает, — наша изрядно покошенная интеллигенция непонятно с какого хрену все время возрождается. Ну, все наше неправильное место — это некий ванька-встанька. В том числе и интеллигенция.

И вот опять под крик о том, что кругом сплошь коты да лисы, что русскому интеллигенту пришел конец, что опять его, беднягу, обманули и не дали порулить (а когда это ему давали рулить? не его это чистоплюйское дело), в России по-прежнему — культ интеллигенции.

Вот в чем разница. Интеллигенция, безусловно, есть повсюду, но в культ она возведена именно у нас.

У нас велико число людей, которые хотели бы, чтобы так могли называться их дети. Актер Меньшиков сказал в интервью, что увлеченный своей работой в театре, вообще не собирался возвращаться в кино, но есть роли, от которых не отказываются.

Главный Супермен и Мувиастар страны — Лицо Швейцарских Часов — почитает за честь стать двудеиным ликом русской интеллигенции, в обеих ее ипостасях — и в "рыжей", и в "белой".

Интеллигент по-прежнему наряду с храбрыми разведчиками остается главным героем нашего кинематографа. Полностью изгнанный из него в первой половине двадцатого века, он выскочил во время "оттепели" аксеновскими врачами, баталовскими физиками, он въехал в нашу жизнь на ослике очкастым Шуриком из "Кавказкой пленницы" и, наконец, вернувшись из всех геологических и археологических экспедиций, куда предусмотрительно загнала его с глаз подальше советская власть, окончательно осел в бесконечных рязановских НИИ.

Каждую новогоднюю ночь к взрослым приходят свои, "взрослые" Дед Мороз и Снегурочка. Это Женя и Надя — врач и учительница. Наследники тех, земских врачей и учительниц.

На них, на старых интеллигентов, все больше и больше оглядываются. Аксеновский роман "Московская сага" стоит около двадцати баксов. Дорого. При этом роман сильно средний. Но его раскупают, лихо раскупают.

Потому что его герои, семья потомственных интеллигентов, превратились в героев популярного сериала. И тем, кто покупает эту книгу, значит, нравятся такие вот чистоплюйские герои.

И вот пришла очередь Бендера и Живаго. Бендера и так любят и знает вся страна.

А Живаго пока что был сугубо интеллигентским достоянием, но понятно, что вслед за "Идиотом" явившийся к народу из телеэкрана русский доктор Юрий Живаго станет, как и прочие герои любимых сериалов, каждому близким родственником. Станет востребован и в бумажном виде — издан, переиздан, прочитан и, смею надеяться, — понят.

И все это, как сказал бы русский интеллигент старинных времен, весьма похвально и утешительно.

ЭЛАНА

АМАЗОНКИ ЧЕРНОМОРЬЯ

Когда-то все Причерноморье, и Южное, и Северное, было территорией свободных женщин, а само Черное море до V в. называлось Амазонским. Об амазонках — девах-воительницах — сообщали почти все античные авторы, но их рассказы долгое время не воспринимались всерьез. Ученые упорно считали мифом саму возможность существования амазонок, хотя древние останки вооруженных женщин, обнаруженные в Крыму, в южноукраинских степях и на Кавказе, так же упорно доказывали свою реальность.

И в конце концов, доказали. Археологам и историкам пришлось признать: да, Черное море когда-то действительно было окружено амазонскими землями. К ним относились территории современных Одесской, Херсонской и Николаевской областей, Крыма, Кубани, а также кавказское и "византийское" побережье. Все эти земли регулярно патрулировались вооруженными женщинами, предупреждавшими своих соплеменников об опасности — приближении греческих кораблей.

Именно стычки захватчиков с оборонительными женскими отрядами легли в основу дошедших до нас легенд об амазонках. Греческих колонизаторов привлекала богатая ресурсами земля Причерноморья, но они получили такой отпор береговых защитниц, что назвали эти берега Аксинскими ("негостеприимными").

Тем не менее, народное ополчение часто проигрывает профессиональным и хорошо вооруженным военным. Потому победа осталась за колонизаторами. Когда большинство амазонских племен было уничтожено, Амазонское море стало для греков Эвксинское — "гостеприимным". Уцелевшие аборигены были оттеснены вглубь материка и на север.

На Севере Причерноморья первые колонии появились в VII и VI вв. до н. э. на острове Березань, на Днестровском и Бугском лиманах. Позже греки приступили к освоению Крыма и построили на аннексированных амазонских землях Херсонес, Пантикапей и Феодосию.

Но были ли эти земли на самом деле амазонскими? Согласно легенде, пересказанной Геродотом, амазонки попали на Север Причерноморья случайно. По этой версии, амазонская "страна" располагалась между современным Турецким Синопом и аджарским Батумом, именно в эти сказочные места вторглись вначале колонизаторы. В честном бою амазонки были непобедимы, но их можно было взять врасплох с моря. После одной из таких атак греки захватили уцелевших воительниц и собрались увезти их в Элладу, чтобы без помех пользоваться их землей. Однако привыкшие к своим слабым союзественницам греки недооценили противниц: вскоре после отплытия тем удалось освободиться и уничтожить корабельную команду. Ветер прибил неуправляемые парусники к крымскому берегу. Не имея возможности вернуться на родину, амазонки поселились в Крыму и смешались с его населением. А населяли Крым тогда скифы.

В нашей науке Скифию принято считать образованием патриархальным, однако многие данные опровергают это. Диодор Сицилийский, например, писал о двух скифских царицах — матери и дочери, — покоривших патриархальные "цивилизации" от Балкан до Каспия и от Северного Причерноморья до Сирии. По его словам, скифские женщины не уступали в храбрости мужчинам, а подчас и превосходили их. Историк Евсевий Иероним, например, писал, что амазонки патрулировали свои

земли не только во всеоружии, но и "...с выставленной напоказ грудью и голыми руками и коленами, вызывая на состязание сладострастия идущих против них мужчин". Эта открытая демонстрация свободы была возможна только в гинекократии — "нации, где властвуют женщины".

Таким образом, до прибытия южных амазонок на север там уже жили амазонки местные — скифские. Именно они обороняли свои владения от греческих колонизаторов.

По легенде, от союза южноамазонских и крымских племен произошли савроматы — народ, у которого женщины пользовались высоким положением в обществе и семье. Древние историки отмечали поразительное сходство скифского и сарматского языков, обычаев, верований и культуры. Эти народы были так близки, что даже современные специалисты с трудом отличают один от другого. Что же на самом деле представляла собой Скифия? Согласно археологии, савроматы — это и есть восточные скифы, а "скифами" греки называли все племена евразийских степей, объединенные поклонением змееногой Богине.

Крылатая змееногая Богиня была праматерью доскифского населения Северного Причерноморья: тавров, синдов и меотов. Ее крылья давали свободу, а змееновость символизировала посвященность в глубинные тайны Земли и Воды. Когда в эти места стали переселяться скифы, они отождествили местную Богиню со своей праматерью Апи, чье имя восходит к древнему корню со значением "вода".

У народов, поклонявшихся крылатой Апи, захоронения концентрировались вокруг могилы праматери или жрицы, почитаемой как сама Богиня. Во главе рода стояли матриархи — пожилые опытные женщины, и счет родства велся по женской линии.

Савроматские женщины и мужчины носили одинаковую одежду, ездили верхом, виртуозно владели оружием и участвовали в боях. Считалось, что замуж эти женщины не выходили, пока не убивали в бою врага. Однако археологические данные опровергли этот миф: в сарматских могилах были найдены останки детей рядом с останками женщин в полном боевом облачении. Это значит, что материнство не зависело от замужества или боевых успехов.

Скифия занимала когда-то не только Крым и все Северное Причерноморье, но и обширные территории от Дуная до Средней Азии. На этой территории еще долго существовала традиция класть оружие в могилы женщин. Это было принято даже в раннем Средневековье, что доказывают археологические находки, в частности, Дмитриевский могильник. Его захоронения принадлежат населению Хазарского каганата IX в. Около 30% женских захоронений сопровождалось оружием, чаще всего топорами. В захоронениях молодых и пожилых женщин оружие помещалось чаще (около 70% всех находок), чем в захоронениях женщин среднего возраста. Самые юные амазонки часто наделялись полным комплектом оружия: топорами, луками со стрелами, кинжалами и саблями.

Но как же в таком случае матриархальные законы мира и взаимопонимания? Ведь все это оружие предназначалось для лишения жизни, а не сохранения.

Правда состоит в том, что женщины начали браться за оружие только с целью самозащиты. Защищали они свой уклад жизни, свою землю и своих детей от "ци-

вилизующего" огнем и мечом патриархата. И прежде всего, они защищали от него своих мужчин.

Ученые давно пришли к бесспорному выводу: мужская психика более подвержена травмам, чем женская. Доказано, что женщины не только менее подвержены стрессам, но и менее чувствительны к боли. К тому же, они быстрее усваивают новую информацию, и как следствие, лучше приспособляются к новым условиям. Ряд психологических качеств позволяет именно женщинам эффективно действовать в экстренных ситуациях.

Обусловлено это, в частности, гендерными различиями в восприятии времени: мужчины воспринимают время линейно, на "их" времени нет зацепок, и потому оно кажется им бесконечным. Именно поэтому мужчины плохо запоминают даты и годовщины. Им трудно приспособливаться к новым людям и обстоятельствам, у них затруднено обучение новому (с чем связана, в частности, низкая успеваемость мальчиков в средней школе; к слову, затрудненным восприятием времени объясняется и тот бытовой факт, что мужчины медленнее осознают важность для них отношений с какими-либо людьми и часто осознают ее только после того, как эти люди уходят из их жизни).

Женщины воспринимают время спирально. Они должны многое успеть на каждом из коротких витков спирали, и это стимулирует их сообразительность, приспособляемость, и как следствие, активность.

По каббалистической астрологии, "властитель" знака Девы — Завулон. Он путешествует по морям в поисках новых рынков и новых торговых связей. И подобно ему, Дева проводит жизнь в постоянном активном поиске нового опыта — физического, эмоционального, интеллектуального, делового и психологического. Ей нужно хотя бы раз в жизни попробовать все, и без этого Дева не будет чувствовать себя счастливой.

Но Девы не просто находят в поиске нового, им свойственно запоминать и обобщать полученный в результате опыт. А это ведет к развитию самого ценного качества любого живого существа — безошибочной интуиции, потому что интуиция есть не что иное, как проанализированный и синтезированный опыт.

Именно подкрепленная опытом интуиция подсказала девам в те древние времена: нужно ограждать хрупкую психику их любимых мужчин от посттравматического синдрома и сохранять ее для любви. Поэтому в большинстве племен мальчики получали тихое домашнее воспитание, учились готовить, убирать и воспитывать детей. Они учились доброте и любви, а оружие и сражения традиционно являлись для них табу.

До прихода патриархальных колонизаторов оружие и сражения были табу и для женщин. Племена Богини мирно жили тогда на берегах озер, рек и морей, растили детей и цветы и возделывали землю. Они ни на кого не нападали, и никто не нападал на них. Люди были так близки к окружающей их дикой природе, что входили с ней в полный контакт.

Дикие люди всегда живут в полном согласии с дикой природой. Слово "дикая" мы научены воспринимать как синоним слов "неуправляемая", "неподконтрольная" и "опасная", но не управляемая кем? Неподконтрольная кому? И опасная для кого?

На самом деле дикой называется такая живая сущность, которая не меняет свободу на похлебку. Дикими были, например, предки современных лошадей — тарпаны.

Именно на них без седла ездили амазонки. Дикая сущность приручается единственным способом — добротой, а когда доброта уходит — сущность уходит вместе с ней. И потому тогда, когда дикие люди были добры к дикой природе, она выращивала для них на камнях и скалистых берегах фруктовые деревья, виноград и цветы.

А потом у этих диких мирных берегов появились военные корабли с вооруженными до зубов цивилизаторами. Одна и та же история повторялась повсюду: сначала мирные племена встречали гостей цветами и фруктами. Но в ответ гости грузили хозяев на корабли и отправляли в далекую чужую страну в качестве рабов, а потом жгли их дома, убивали их ручных животных и вырывали с корнями их ручные растения.

Захватчики привозили с собой не только смертельное оружие, но и смертоносные нектар и амбросию, на которые они стали подсаживать лучших из племени. За очередную дозу амбросии лидеры племени сами отдавали захватчикам коллективные земли и богатства, лишая своих детей средств к существованию, а самих детей продавали в рабство.

Люди поняли, что чужеземцы пришли к ним, чтобы лишить их будущего. И тогда они решили встать на защиту своей земли. И сначала на защиту встали женщины. Это решение основывалось на их близости к природе, в которой защитная функция всегда лежит на матерях. В природе самцы млекопитающих никогда не заступаются за других, никогда не защищают маленьких и слабых особей, в лучшем случае они им просто не вредят. Человек не отличается в этом смысле от других млекопитающих, и защита своих детей — природная обязанность млекопитающих матерей. Потому девы встали на оборону своих семей.

В большинстве племен гинекократии только девочек обучали владению всеми видами оружия своего времени: метанию копья, боевым топором, стрельбе из лука, а также рукопашной борьбе и верховой езде. Однако колонизаторы все наступали, потери защитниц были велики, и людей не хватало. Тогда мальчиков стали обучать военному делу наравне с девочками. Так было у скифов и сарматов. Их дети получали равноценное образование, их одинаково одевали, а поклонялись они кроме крылатой Богини Апи некому божеству, которое греки позже назвали Андрогинном: одна сторона божества символизировала женское начало, а другая — мужское.

Сейчас установлено, что именно изображения Андрогина с одной женской и одной мужской грудью ввели в заблуждение исследователей и "подтвердили" ложное предположение того, что амазонки отсекали себе одну грудь. Это вроде бы доказали рисунки амазонок и их название, которое связали со словом "a-mazos" — "без груди". Членовредительство объяснялось тем, что оно облегчало женщинам стрельбу из лука.

На самом деле амазонки никогда не занимались членовредительством. Этот устрашающий миф служил конкретным целям: патриархи запугивали им своих же дочерей и сестер, многие из которых, спасаясь от принудительного брака или других форм репрессии, бежали на амазонские территории. Например, уже в такой поздний период, как VIII в., на территории Моравии существовала крепость Девин. Эта территория женской свободы не раз с блеском выдерживала осаду соседних королев. На ее девственную территорию не допускались подданные соседних королевств, но только мужского пола. Женщин,

бежавших из королевств и спасавшихся от патриархальных законов, амазонки с готовностью принимали в свои ряды. Надеясь остановить беглянок, патриархи и придумали для них миф об отсеченной груди.

Но такой миф мог появиться только в обществе, где культивируемый размер женской груди действительно мешал ее хозяйке. Культ большегрудости пропагандируется социальной системой, построенной на женской пассивности, то есть на неучастии женщин в общественной жизни — в событиях вне стен своего дома. Обладательнице роскошного бюста не в руки вести активный образ жизни: заниматься верховой ездой, быстрым бегом, рукопашной борьбой. Лишенная спортивных упражнений, она поневоле становится "слабым полом". Бюст, являясь ограничителем женской активности, сам по себе превращает его обладательницу в носительницу патриархальных ценностей.

В противоположность патриархату, культивирующему женскую пассивность, общество физически активных женщин культивировало доклассический размер груди "яблоко в ладони". Например, у потомков ушедших от Черного моря амазонок — кабардинских горняков — еще долго существовал обычай зашнуровывать грудь тугим корсетом, чтобы быть "безгрудой".

Но не отсутствие висячей груди делает женщину амазонкой. И не наличие коня и оружия: захваченные греками девы были лишены всего, но одолели своих обидчиков и овладели их кораблями.

Так кто же такая амазонка, и что именно отличает ее от "слабого пола"?

Не абсолютное, но большинство наших современниц принадлежит к условному типу "женщина цивилизованная", а точнее, "женщина, замученная условностями цивилизации". Именно эти условности, а не ее личные желания, устилают жестким терном ее жизненный путь. И чем больше настоящих желаний и стремлений она подавляет в себе в первой половине жизни, тем неизбежнее она погружается в пустоту и неудовлетворенность во второй половине.

Но если пассивное принятие чужих условий придает ей женственности и делает ее женщиной цивилизованной, то активное их неприятие превращает ее в дикую девственницу. Именно так любители женской пассивности называли когда-то ту, которая упорно не признавала своей вторичности и активно доказывала свою силу всем, кто нуждался в доказательствах.

Амазонки клялись, что лучше умрут, чем потеряют свою девственность, и в то же время сами выбирали себе возлюбленных и заводили детей. Девственность в те времена означала не физиологическое состояние, а свободу самовыражения. И одной из составляющих этой свободы была независимость материальная, ментальная и, конечно, эмоциональная, то есть сила характера и сила духа.

Эта сила и отличала дикую девственницу от женщины цивилизованной: первая не боялась демонстрировать мужчинам свою силу и исходящую из этой силы опасность, а вторая предпочитала восхищаться мужчин своей слабостью и исходящей из этой слабости беззащитностью. Благодаря своей "беззащитной слабости" цивилизованная женщина получала доступ к привилегиям патриархата, который был закрыт для сильной и самостоятельной амазонки.

До сих пор священный долг ци-

визированной женщины состоит в том, чтобы не превосходить мужчин, потому что до сих пор многих из них независимая женщина раздражает, сильная подавляет, а умная напрягает.

Но можно ли не превзойти человека, который не хочет напрягаться? Можно, если сыграть с ним в поддавки. Эта занимательная игра расслабит его и отвлечет от тяжелой мужской доли соответствия светлому образу "настоящего" мужчины.

Женщин, отказавшихся играть в поддавки с мужчинами и этим помешавших им расслабиться и "соответствовать", и сегодня называют амазонками. "Отец истории" Геродот утверждал, что слово "амазонка" означает "мужеубийца". Историки рассказывали, как дикие амазонки сражались с поражающей их патриархальной цивилизацией. Конные отряды "диких дев" совершали сокрушительные набеги на "цивилизированные" (то есть рабовладельческие) города-полисы от Балкан до Средней Азии. Главной целью этих набегов было возвращение свободы поработавшим "цивилизаторами" людям, и особенно женщинам.

Именно сарматские амазонки нанесли главный удар рабовладельческой системе греческих колоний и сыграли важную роль в гибели античной "цивилизации" на Черном море.

Но зачем они это делали, ведь цивилизация — это естественный этап развития общества?

Мы привыкли считать цивилизацию явлением положительным, неким источником культуры и гуманизма. Но к гуманизму она не имеет никакого отношения: слово "цивилизация" произошло от латинского слова *civitas* — "государство", которое, как известно, является аппаратом подавления.

Но подавления чего именно? В цивилизованном обществе человек может успешно функционировать, только постоянно подавляя свои естественные импульсы и эмоции. Таким образом, цивилизация — это подавление естественной природы. Потому-то долг цивилизованной женщины и состоит в том, чтобы не подавлять мужчину своим естественным природным превосходством.

Долг этот достаточно трудноисполним, из-за того что никакие сложные законы цивилизации до сих пор не изменили простого закона природы: власть животворения дана только женскому полу и земле. Эта власть недоступна мужчинам и остается для них тайной за семью печатями. Той самой тайной, которую они всегда стремились разгадать и присвоить.

Чтобы проще было присвоить, сначала нужно обесценить. Чтобы обесценить — сначала нужно подавить. Так правда об амазонках оказалась подавлена грузом ложных легенд и мифов, из-под которых ее оказалось очень трудно извлечь. А истина проста: еще не так давно Земля коллективно принадлежала мирным девам, которых угроза уничтожения превратила в амазонок. Колонизаторы оттеснили их с этой земли, лишили средств к существованию, истребили или ассимилировали в патриархальные культуры. Но надежно защищенные двойной хромосомой X, сводободлюбивые гены диких амазонок дожили до наших дней.

Сегодня они активно просыпаются и возвращают себе отнятые у них когда-то рубежи. И хотя современные амазонки уже не стреляют из лука и почти перестали метать топоры, но они по-прежнему не боятся быть самими собой, то есть превосходить, раздражать, пугать и нервировать. Они не боятся ответственности за свои поступки и их последствия. А когда люди перестают бояться самих себя, они начинают возвращение к данному им от рождения, естественному, но утраченному в течение жизни состоянию, которое называется счастьем.

Марианна ГОНЧАРОВА

«НЕ НАРАДУЮСЬ!»

Книга "То ли луковичка, то ли репка..." вышла в замечательном московском издательстве "Самовар", известном своим бережным отношением к литературе для детей и их родителей, издательстве, которое не только сохраняет и популяризирует лучшую детскую литературу прошлого, но только находит новых талантливых авторов, пишущих для детей, но и тем самым возрождает замечательную моду — моду на СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ.

Автор книги "То ли луковичка, то ли репка..." Валерий Хаит — литератор, журналист, вице-президент Всемирного клуба одесситов, главный редактор одесского юмористического журнала "Фонтан" (в котором я имею мало с чем сравнимую радость печататься), написал книгу о своем аккерманском детстве...

Эта книга — как будто часть меня самой. В ней столько подтверждений моих мыслей, чувств и переживаний! В ней столько узнавания и жизни, что я обязательно должна этим поделиться!

Где-то я прочла, что, оказывается, есть два Бога. Один — Бог взрослых, суровый, взыскательный Бог, который вознаграждает или карает по-настоящему. А есть Бог детей. Он снисходителен, так сказать, толерантен, добросердечен, он с чувством юмора и очень радостный. Он покровительствует детям и тем взрослым (как бы взрослым), кто в душе остался маленьким. Он как заботливый родитель ведет таких людей за руку, чтоб они не споткнулись, не ушиблись и правильно переходили проезжую часть, он наделяет их даром видеть жизнь, как в детстве, в густых ярких сочных красках и умением его, этот прекрасный мир, описывать. Отсюда я делаю вывод — детство это не только наилучший возраст человека, но и самый классный стиль жизни.

Когда я знакоюсь с человеком, и он симпатичен мне ну прямо не знаю как, я начинаю приставать к нему с вопросом: "А расскажи, какой ты был маленьким". Ну очень хочется это узнать. Очень. Именно потому, что крепнет год от года во мне убеждение, что человек в процессе

жизни не взрослеет, не мужает, не старится или еще что-то там, а просто со временем становится самим собой. И чем меньше он отличается от себя маленького, тем симпатичнее и красивее он мне кажется.

Да и не только мне. Многих моих знакомых и друзей обратила я в эту религию, предлагая читать книжку В.И. Хаита "То ли луковичка, то ли репка...". И как только я познакомилась с В. И. поближе, мир прямо засиял, заискрился, заиграл вокруг меня, потому что наш рассудительный, ироничный и очень добросердечный В. И. оказался тем самым человеком, кому покровительствует Бог детей, то есть остался тем, о ком писал он в своей маленькой книжке. Тем самым мальчиком, трогательным, благодарным, застенчивым, ироничным, великодушным, душевным и очень чутким.

Есть люди, на которых смотришь и совсем не веришь, что они когда-то были маленькими, что они валялись дураком и дрались, что замирали от страха или очень тайно кого-то любили. А В. И. — совсем наоборот, он был маленьким и шалил, и не слушался иногда, но все видел, все чувствовал, а главное, понимал, гораздо больше, чем об этом догадывались окружающие.

Понимал, запоминал, сохранил и описал.

"То ли луковичка, то ли репка..." — рассказы о мальчике и о том, как интересно и очень нелегко жить на свете, книжка об идеальном состоянии мальчишеской души. О том, как маленький человек постигает истину, пытается понять, для чего он живет на свете.

Никакого особого динамичного сюжета в рассказах нет. Их надо читать очень медленно, впитывая в себя каждое слово. Они небольшие, язык прост, но настолько объемный, что чувствуешь, как пахнет морем и летней пылью, слышишь крики чаек и пронзительное чирканье воробьев, видишь, как ослепительно преломляется солнечный луч в мгlistой зеленоватой прохладной воде, чувствуешь, как вечерний морозец щиплет за щеки, и приятную тугую усталость после катка, испытываешь неловкость

и боль, счастье и стыд, а главное, ощущаешь уютный покой и романтичность маленького городка, где мальчик жил.

С притихшей душой я читаю эту книжку. Читаю, когда мне особенно трудно, когда болею, когда не спится, когда проблемы или неприятности. Она, эта маленькая лечебная книжечка, оказывает терапевтический эффект. Так в детстве я читала, лежа с ангиной или гриппом, книжки Драгунского, Грина, Бруштейн, Кассиля. И теперь моя дочь, когда у нее болит горло или повышается температура, кричит: "Быстрее почитай мне про воробья, про носки или про коньки, или про Альму, или про школу, или про что хочешь из маленькой синей книжечки!".

Проза этой книжки ритмичная, легкая и бесшумная, она полна красок, силы, радости и грусти. Уметь печалиться, знаете ли, это ведь тоже талант. Говорят же, что тот, кто умеет чувствовать грусть, тот умеет ценить праздник. Наедине с событиями, в которых много разнообразных людей, красивых и не очень, умных и глупых, серьезных и легкомысленных, но все равно очень интересных и симпатичных, он, мальчик, печальный и в этой своей печали одинокий, поэтому он один, с одной стороны, — а они все, герои его воспоминаний, — там, с другой...

Обаятельная мягкая простая интонация контрастирует с острыми очень недетскими переживаниями. Недетскими и честными. А честность очень повышает в моем представлении человеческую ценность — и тогда, в детстве, и сейчас, в зрелом возрасте.

Не удивительно, что проза в книжке постепенно перерастает в стихи, только поэт может формулировать так напряженно, метко и обнажено. Чтобы, минуя всякие сомнения, размышления и колебания, чувства, им описанные, попали в самую душу читателя.

Даже не могу представить и не смею описывать, как мог он увидеть и почувствовать, как замечал он, маленький еще, невидимые нити между людьми, нити симпатии

или неприязни, как быстро и безошибочно умел он оценить неловкость положения и нелогичность ситуации, почуять ложь и лицемерие, искренность и любовь. С каким глубочайшим уважением он, ребенок, относился ко всякой жизни, к любой ее форме. Какой теплый легкий юмор и умение описать звуки — стуки, шорохи, удар. Музыку.

Эту книжку нельзя читать людям скучным и слишком серьезным. Хотя... Ну попробуйте. Она иногда делает чудеса: например, погружая вас в воспоминания о вашем детстве, превращает унылого нудного взрослого человека в обаятельного симпатичного ребенка... Почитайте ее, и если вы почувствуете тот же холодок под ложечкой от не очень правильного поступка, его, мальчика из книжки, захватывающий азарт, с которым он, слабенький и больной, читал приключенческую книгу, страх при виде чужой собаки, горе и боль, когда погибает живое существо, волнение его при встрече с девочкой, радость, когда он совершает благородный взрослый поступок, когда вы испытаете счастье, его невообразимое счастье от безусловно в те годы царского полученного им от мамы подарка — коньков, настоящих коньков "Снегурок", тогда вы и сами поймете себя на том, что начнете шептать и шептать, как он тогда, обнимая свои драгоценные коньки: "Не нарадуюсь! Не нарадуюсь!".

Пора закрывать последнюю страницу, а все гляжу на обложку книги, на холм в старом провинциальном городке, где стоит древняя полуразрушенная крепость, и как будто слышу оттуда голоса мальчишек, во что-то очень увлекательное играющих, я вижу каток, где мальчик наматывает и наматывает круги на своих новых снегурках, я рассматриваю фотографии на форзацах и внимательно вглядываюсь в лицо его мамы.

Я закрываю книжку и уже скачу по нему, этому чуткому мальчику с большими удивленными печальными глазами, угловатому худенькому мальчику, которого Бог детей однажды поцеловал в смешную вихрастую макушечку. Я уже хочу опять читать и перечитывать ее, эту поэтическую прозу о прекрасном времени самых лучших на свете приключений, побитых коленок, теннисных улич, коротких палисандриков, достойных, лучших в мире искренних взрослых, непритворного детского горя и всепоглощающего мальчишеского счастья...

Х юбилейный Международной поэтический турнир в Дюссельдорфе

Клуб "Neue Zeiten" и литературное объединение "Шаг навстречу" предлагают всем желающим участвовать в X Международном поэтическом турнире в Дюссельдорфе под девизом:

"Мы будем счастливы, мой друг..."

(We will be happy...) — это строка из стихотворения Наума Коржавина "Письмо в Москву".

Наум КОРЖАВИН

ПИСЬМО В МОСКВУ

Сквозь безнадегу всех разлук,
Что трут, как цепи,
"We will be happy!"*, дальний друг,
"We will be happy!"

"We will be happy!" — как всегда!
Хоть ближе пламя.
Хоть века стыдная беда
Висит над нами.

Мы оба шепчем: "Пронеси!"
Почти синхронно.
Я тут — сбежав... Ты там — вблизи
Зубов дракона.

Ни здесь, ни там спасенья нет —
Чернеют степи...
Но что бы ни было — привет! —
"We will be happy!"

"We will be happy!" — странный звук.
Но верю в это:
Мы будем счастливы, мой друг,
Хоть видов нету.

Там, близ дракона, — нелегко.
И здесь — непросто.
Я так забрался далеко,
В глушь... В город Бостон.

Здесь вместо мыслей — пустяки.
И тот — как этот.
Здесь даже чувствовать стихи —
Есть точный метод.

Нам не прорвать порочный круг,
С ним силой мерясь...
Но плюнуть — можно... Плюнем, друг!
Проявим серость.

Проявим серость... Суета —
Все притязанья.
Наш век все спутал — все цвета.
И все названья.

И кругом ходит голова.
Все скучно в мире.
А нам — не скучно... Дважды два —
Пока четыре.

И глупо с думой на челе
Скорбеть, насупясь.
Ну кто не знал, что на земле
Бессмертна глупость?

Что за нос водит нас мечта
И зря тревожит?
Да... Мудрость миром никогда
Владеть не сможет!

Но в миг любой — пусть век колюч,
Пусть все в нем дробно,
Она, как солнце, из-за туч
Блеснуть — способна.

И сквозь туман, сквозь лень и спесь,
Сквозь боль и страсти
Ты вдруг увидишь мир как есть,
И это — счастье.

И куда я не ушел.
Вино — в стаканах.
Мы — за столом!..
Хоть стал наш стол —
В ширь океана.

Все тот же пир... и пусть темно
В душе, как в склепе,
"We will be happy!"... Все равно —
"We will be happy!"

Да, все равно...
Пусть меркнет мысль,
Пусть глохнут вести,
Пусть жизнь ползет по склону вниз,
И мы — с ней вместе.

Ползет на плаху к палачу,
Трубя: "Дорогу!"...
"We will be happy!" — я кричу
Сквозь безнадегу.

"We will be happy!" — чувств настоя.
Не фраза — вежа.
И символ веры в тьме пустой
На скосе века.

1977

* Мы будем счастливы! (англ.)

В конце этого года и в начале 2010-го пройдут региональные турниры, на которых будут отобраны призеры, получающие право участвовать в финале турнира в мае 2010 года в Дюссельдорфе.

Друзья! Наш проект "Международный поэтический турнир в Дюссельдорфе" рассчитан на десять лет — 2001-2010 годы. На протяжении девяти лет мы творили новую поэтическую реальность.

Впереди у нас последний турнир. Этот год нас будет вдохновлять новая строчка девиза, чтобы к концу марафона получить возможность быть по достоинству оцененными.

Нами запланировано в 2011 году издать "Золотую книгу" стихов поэтов, принимавших участие в турнирах.

Мы предоставим вам возможность ознакомиться читателю со своими поэтическими произведениями, не связанными с тематикой турнира.

Сайт турнира в Интернете:
www.turnir-poesie.de
e-mail:
Pedakhovskaja@t-online.de
Тел.: 0049 (0) 211 352240

Президент Международного поэтического турнира в Дюссельдорфе
Рафаэль АЙЗЕНШТАДТ

визированной женщины состоит в том, чтобы не превосходить мужчин, потому что до сих пор многих из них независимая женщина раздражает, сильная подавляет, а умная напрягает.

Но можно ли не превзойти человека, который не хочет напрягаться? Можно, если сыграть с ним в поддавки. Эта занимательная игра расслабит его и отвлечет от тяжелой мужской доли соответствия светлому образу "настоящего" мужчины.

Женщин, отказавшихся играть в поддавки с мужчинами и этим помешавших им расслабиться и "соответствовать", и сегодня называют амазонками. "Отец истории" Геродот утверждал, что слово "амазонка" означает "мужеубийца". Историки рассказывали, как дикие амазонки сражались с поражающей их патриархальной цивилизацией. Конные отряды "диких дев" совершали сокрушительные набеги на "цивилизированные" (то есть рабовладельческие) города-полисы от Балкан до Средней Азии. Главной целью этих набегов было возвращение свободы поработленным "цивилизаторами" людям, и особенно женщинам.

Именно сарматские амазонки нанесли главный удар рабовладельческой системе греческих колоний и сыграли важную роль в гибели античной "цивилизации" на Черном море.

Но зачем они это делали, ведь цивилизация — это естественный этап развития общества?

Мы привыкли считать цивилизацию явлением положительным, неким источником культуры и гуманизма. Но к гуманизму она не имеет никакого отношения: слово "цивилизация" произошло от латинского слова civitas — "государство", которое, как известно, является аппаратом подавления.

Но подавления чего именно? В цивилизованном обществе человек может успешно функционировать, только постоянно подавляя свои естественные импульсы и эмоции. Таким образом, цивилизация — это подавление естественной природы. Потому-то долг цивилизованной женщины и состоит в том, чтобы не подавлять мужчину своим естественным природным превосходством.

Долг этот достаточно трудноисполним, из-за того что никакие сложные законы цивилизации до сих пор не изменили простого закона природы: власть животворения дана только женскому полу и земле. Эта власть недоступна мужчинам и остается для них тайной за семью печатями. Той самой тайной, которую они всегда стремились разгадать и присвоить.

Чтобы проще было присвоить, сначала нужно обесценить. Чтобы обесценить — сначала нужно подавить. Так правда об амазонках оказалась подавлена грузом ложных легенд и мифов, из-под которых ее оказалось очень трудно извлечь. А истина проста: еще не так давно Земля коллективно принадлежала мирным девам, которых угроза уничтожения превратила в амазонок. Колонизаторы оттеснили их с этой земли, лишили средств к существованию, истребили или ассимилировали в патриархальные культуры. Но надежно защищенные двойной хромосомой X, сводободлюбивые гены диких амазонок дожили до наших дней.

Сегодня они активно просыпаются и возвращают себе отнятые у них когда-то рубежи. И хотя современные амазонки уже не стреляют из лука и почти перестали метать топоры, но они по-прежнему не боятся быть самими собой, то есть превосходить, раздражать, пугать и нервировать. Они не боятся ответственности за свои поступки и их последствия. А когда люди перестают бояться самих себя, они начинают возвращение к данному им от рождения, естественному, но утраченному в течение жизни состоянию, которое называется счастьем.

Марианна ГОНЧАРОВА

«НЕ НАРАДУЮСЬ!»

Книга "То ли луковичка, то ли репка..." вышла в замечательном московском издательстве "Самовар", известном своим бережным отношением к литературе для детей и их родителей, издательстве, которое не только сохраняет и популяризирует лучшую детскую литературу прошлого, но только находит новых талантливых авторов, пишущих для детей, но и тем самым возрождает замечательную моду — моду на СЕМЕЙНОЕ ЧТЕНИЕ.

Автор книги "То ли луковичка, то ли репка..." Валерий Хаит — литератор, журналист, вице-президент Всемирного клуба одесситов, главный редактор одесского юмористического журнала "Фонтан" (в котором я имею мало с чем сравнимую радость печататься), написал книгу о своем аккерманском детстве...

Эта книга — как будто часть меня самой. В ней столько подтверждений моих мыслей, чувств и переживаний! В ней столько узнавания и жизни, что я обязательно должна этим поделиться!

Где-то я прочла, что, оказывается, есть два Бога. Один — Бог взрослых, суровый, взыскательный Бог, который вознаграждает или карает по-настоящему. А есть Бог детей. Он снисходителен, так сказать, толерантен, добросердечен, он с чувством юмора и очень радостный. Он покровительствует детям и тем взрослым (как бы взрослым), кто в душе остался маленьким. Он как заботливый родитель ведет таких людей за руку, чтоб они не споткнулись, не ушиблись и правильно переходили проезжую часть, он наделяет их даром видеть жизнь, как в детстве, в густых ярких сочных красках и умением его, этот прекрасный мир, описывать. Отсюда я делаю вывод — детство это не только наилучший возраст человека, но и самый классный стиль жизни.

Когда я знакоюсь с человеком, и он симпатичен мне ну прямо не знаю как, я начинаю приставать к нему с вопросом: "А расскажи, какой ты был маленьким". Ну очень хочется это узнать. Очень. Именно потому, что крепнет год от года во мне убеждение, что человек в процессе

жизни не взрослеет, не мужает, не старится или еще что-то там, а просто со временем становится самим собой. И чем меньше он отличается от себя маленького, тем симпатичнее и красивее он мне кажется.

Да и не только мне. Многих моих знакомых и друзей обратила я в эту религию, предлагая читать книжку В.И. Хаита "То ли луковичка, то ли репка...". И как только я познакомилась с В. И. поближе, мир прямо засиял, заискрился, заиграл вокруг меня, потому что наш рассудительный, ироничный и очень добросердечный В. И. оказался тем самым человеком, кому покровительствует Бог детей, то есть остался тем, о ком писал он в своей маленькой книжке. Тем самым мальчиком, трогательным, благоразумным, застенчивым, ироничным, великодушным, душевным и очень чутким.

Есть люди, на которых смотришь и совсем не веришь, что они когда-то были маленькими, что они валялись дураком и дрались, что замирали от страха или очень тайно кого-то любили. А В. И. — совсем наоборот, он был маленьким и шалил, и не слушался иногда, но все видел, все чувствовал, а главное, понимал, гораздо больше, чем об этом догадывались окружающие.

Понимал, запоминал, сохранил и описал.

"То ли луковичка, то ли репка..." — рассказы о мальчике и о том, как интересно и очень нелегко жить на свете, книжка об идеальном состоянии мальчишеской души. О том, как маленький человек постигает истину, пытается понять, для чего он живет на свете.

Никакого особого динамичного сюжета в рассказах нет. Их надо читать очень медленно, впитывая в себя каждое слово. Они небольшие, язык прост, но настолько объемный, что чувствуешь, как пахнет морем и летней пылью, слышишь крики чаек и пронзительное чирканье воробьев, видишь, как ослепительно преломляется солнечный луч в мгlistой зеленоватой прохладной воде, чувствуешь, как вечерний морозец щиплет за щеки, и приятную тугую усталость после катка, испытываешь неловкость

и боль, счастье и стыд, а главное, ощущаешь уютный покой и романтичность маленького городка, где мальчик жил.

С притихшей душой я читаю эту книжку. Читаю, когда мне особенно трудно, когда болею, когда не спится, когда проблемы или неприятности. Она, эта маленькая лечебная книжечка, оказывает терапевтический эффект. Так в детстве я читала, лежа с ангиной или гриппом, книжки Драгунского, Грина, Бруштейн, Кассиля. И теперь моя дочь, когда у нее болит горло или повышается температура, кричит: "Быстрее почитай мне про воробья, про носки или про коньки, или про Альму, или про школу, или про что хочешь из маленькой синей книжечки!".

Проза этой книжки ритмичная, легкая и бесшумная, она полна красок, силы, радости и грусти. Уметь печалиться, знаете ли, это ведь тоже талант. Говорят же, что тот, кто умеет чувствовать грусть, тот умеет ценить праздник. Наедине с событиями, в которых много разнообразных людей, красивых и не очень, умных и глупых, серьезных и легкомысленных, но все равно очень интересных и симпатичных, он, мальчик, печальный и в этой своей печали одинокий, поэтому он один, с одной стороны, — а они все, герои его воспоминаний, — там, с другой...

Обаятельная мягкая простая интонация контрастирует с острыми очень недетскими переживаниями. Недетскими и честными. А честность очень повышает в моем представлении человеческую ценность — и тогда, в детстве, и сейчас, в зрелом возрасте.

Не удивительно, что проза в книжке постепенно перерастает в стихи, только поэт может формулировать так напряженно, метко и обнажено. Чтобы, минуя всякие сомнения, размышления и колебания, чувства, им описанные, попали в самую душу читателя.

Даже не могу представить и не смею описывать, как мог он увидеть и почувствовать, как замечал он, маленький еще, невидимые нити между людьми, нити симпатии

или неприязни, как быстро и безошибочно умел он оценить неловкость положения и нелогичность ситуации, почуять ложь и лицемерие, искренность и любовь. С каким глубочайшим уважением он, ребенок, относился ко всякой жизни, к любой ее форме. Какой теплый легкий юмор и умение описать звуки — стуки, шорохи, удар. Музыку.

Эту книжку нельзя читать людям скучным и слишком серьезным. Хотя... Ну попробуйте. Она иногда делает чудеса: например, погружая вас в воспоминания о вашем детстве, превращает унылого нудного взрослого человека в обаятельного симпатичного ребенка... Почитайте ее, и если вы почувствуете тот же холодок под ложечкой от не очень правильного поступка, его, мальчика из книжки, захватывающий азарт, с которым он, слабенький и больной, читал приключенческую книгу, страх при виде чужой собаки, горе и боль, когда погибает живое существо, волнение его при встрече с девочкой, радость, когда он совершает благородный взрослый поступок, когда вы испытаете счастье, его невообразимое счастье от безусловно в те годы царского полученного им от мамы подарка — коньков, настоящих коньков "Снегурок", тогда вы и сами поймете себя на том, что начнете шептать и шептать, как он тогда, обнимая свои драгоценные коньки: "Не нарадуюсь! Не нарадуюсь!".

Пора закрывать последнюю страницу, а все гляжу на обложку книги, на холм в старом провинциальном городке, где стоит древняя полуразрушенная крепость, и как будто слышу оттуда голоса мальчишек, во что-то очень увлекательное играющих, я вижу каток, где мальчик наматывает и наматывает круги на своих новых снегурках, я рассматриваю фотографии на форзацах и внимательно вглядываюсь в лицо его мамы.

Я закрываю книжку и уже скукаю по нему, этому чуткому мальчику с большими удивленными печальными глазами, угловатому худенькому мальчику, которого Бог детей однажды поцеловал в смешную вихрастую макушечку. Я уже хочу опять читать и перечитывать ее, эту поэтическую прозу о прекрасном времени самых лучших на свете приключений, побитых коленок, теннисных улич, коротких палисандриков, достойных, лучших в мире искренних взрослых, непритворного детского горя и всепоглощающего мальчишеского счастья...

Х юбилейный Международной поэтический турнир в Дюссельдорфе

Клуб "Neue Zeiten" и литературное объединение "Шаг навстречу" предлагают всем желающим участвовать в X Международном поэтическом турнире в Дюссельдорфе под девизом:

"Мы будем счастливы, мой друг..."

(We will be happy...) — это строка из стихотворения Наума Коржавина "Письмо в Москву".

Наум КОРЖАВИН

ПИСЬМО В МОСКВУ

Сквозь безнадугу всех разлук,
Что трут, как цепи,
"We will be happy!"*, дальний друг,
"We will be happy!"

"We will be happy!" — как всегда!
Хоть ближе пламя.
Хоть века стыдная беда
Висит над нами.

Мы оба шепчем: "Пронеси!"
Почти синхронно.
Я тут — сбежав... Ты там — вблизи
Зубов дракона.

Ни здесь, ни там спасенья нет —
Чернеют степи...
Но что бы ни было — привет! —
"We will be happy!"

"We will be happy!" — странный звук.
Но верю в это:
Мы будем счастливы, мой друг,
Хоть видов нету.

Там, близ дракона, — нелегко.
И здесь — непросто.
Я так забрался далеко,
В глушь... В город Бостон.

Здесь вместо мыслей — пустяки.
И тот — как этот.
Здесь даже чувствовать стихи —
Есть точный метод.

Нам не прорвать порочный круг,
С ним силой мерясь...
Но плюнуть — можно... Плюнем, друг!
Проявим серость.

Проявим серость... Суета —
Все притязанья.
Наш век все спутал — все цвета.
И все названья.

И кругом ходит голова.
Все скучно в мире.
А нам — не скучно... Дважды два —
Пока четыре.

И глупо с думой на челе
Скорбеть, насупясь.
Ну кто не знал, что на земле
Бессмертна глупость?

Что за нос водит нас мечта
И зря тревожит?
Да... Мудрость миром никогда
Владеть не сможет!

Но в миг любой — пусть век колюч,
Пусть все в нем дробно,
Она, как солнце, из-за туч
Блеснуть — способна.

И сквозь туман, сквозь лень и спесь,
Сквозь боль и страсти
Ты вдруг увидишь мир как есть,
И это — счастье.

И куда я не ушел.
Вино — в стаканах.
Мы — за столом!..
Хоть стал наш стол —
В ширь океана.

Все тот же пир... и пусть темно
В душе, как в склепе,
"We will be happy!"... Все равно —
"We will be happy!"

Да, все равно...
Пусть меркнет мысль,
Пусть гложут вести,
Пусть жизнь ползет по склону вниз,
И мы — с ней вместе.

Ползет на плаху к палачу,
Трубя: "Дорогу!"...
"We will be happy!" — я кричу
Сквозь безнадугу.

"We will be happy!" — чувств настоя.
Не фраза — вежа.
И символ веры в тьме пустой
На скосе века.

1977

* Мы будем счастливы! (англ.)

В конце этого года и в начале 2010-го пройдут региональные турниры, на которых будут отобраны призеры, получающие право участвовать в финале турнира в мае 2010 года в Дюссельдорфе.

Друзья! Наш проект "Международный поэтический турнир в Дюссельдорфе" рассчитан на десять лет — 2001-2010 годы. На протяжении девяти лет мы творили новую поэтическую реальность.

Впереди у нас последний турнир. Этот год нас будет вдохновлять новая строчка девиза, чтобы к концу марафона получить возможность быть по достоинству оцененными.

Нами запланировано в 2011 году издать "Золотую книгу" стихов поэтов, принимавших участие в турнирах.

Мы предоставим вам возможность ознакомиться читателем со своими поэтическими произведениями, не связанными с тематикой турнира.

Сайт турнира в Интернете:
www.turnir-poesie.de
e-mail:
Pedakhovskaja@t-online.de
Тел.: 0049 (0) 211 352240

Президент Международного поэтического турнира в Дюссельдорфе
Рафаэль АЙЗЕНШТАДТ

Сергей ОСТАШКО**Поселок, который мечтал стать Городом**

Сколько Он себя помнил, Его всегда называли Поселком Городского Типа. Хотя до "городского типа" Он явно не дотягивал. Так, небольшое село на обочине огромного лимана. В сорока километрах клочкотала жизнь большого города, а у лимана царил полное спокойствие, изредка нарушаемое драками "улицы на улице". А так как улиц было всего две, то и драки происходили нечасто. Правда, раз года в четыре случалось и событие покрупнее — массовое побоище с соседней деревней. Этокое олимпийское троеборье местного значения: бокс, владение боевым сельхозинвентарем, и для проигравших — бег на малую марафонскую дистанцию от олимпийского выгона до своего населенного пункта. Место сражения служило постоянным пастбищем раздора, но, как и положено на олимпиадах, на время побоища все остальные боевые действия из-за выгона прекращались.

Других развлечений у жителей не было. Даже пьянства особого в селе не наблюдалось, хотя самогон гнали исправно. Мужиков в селе было раз-два и обчелся, а от баб какая польза в смысле питья?

Сельчане особо не задумывались об отсутствии светских развлечений, а вот Поселку их сильно не хватало. "Так вся жизнь пройдет мимо", — думал он долгими зимними вечерами, вздыхая так, что избы начинали потрескивать, и старики, обратив взор на заиндевшие стекла, говорили, что такого мороза не припомнят. Происходило это каждый год и, следуя логике, за время жизни стариков уже давно должен был наступить ледниковый период.

Если бы Поселок был человеком, Он бы бросил все и уехал. Так поступали многие его жители. Учиться ли, работать ли — какое это имело значение? Главное — выбраться из обволакивающей безысходности. Но куда уедешь, если ты не человек, а всего лишь село? И оставалось лишь мечтать, что когда-нибудь Он станет большим, пусть районным, но все-таки центром.

Изменения пришли неожиданно. Как-то мимо проезжал иностранец. То ли с деловым, то ли с дружественным, а то ли просто с визитом. Остановившись на высоком берегу и окинув взором окрестные красоты, он вздохнул полной грудью и молвил, как некогда русский царь: "Здесь будет город сооружен". С высказываниями царя иностранец знаком не был, и даже вряд ли подозревал о его существовании, поэтому цитата получилась неточной. Но для Поселка и эта неточная фраза, сказанная к тому же на непонятном языке, была как манна небесная. "Вот оно, начинается", — обрадовался Он.

Вскоре выяснилось, что радость была преждевременной, и для зарубежного благодетеля превраще-

ние села в город являлось не главной задачей.

Первым делом — на окраине появились вагончики строителей, вторым — зачем-то огородили всеми любимый выгон на берегу лимана, как потом оказалось, вовсе не из пацифистских соображений. И закипела работа. Рычали экскаваторы, визжали бетономешалки, чадил проносившиеся по сельским улицам КамАЗы. Постепенно из-за трехметрового забора начали вырастать не стройные жилые кварталы, как хотелось бы Городку, а уродливые переплетения труб, которые и в страшном сне не могли присниться даже иностранному инженеру Эйфелю.

Центральные СМИ во все рупора раструбили, что строится огромный завод, который положит начало целой отрасли. Это чрезвычайно радовало нашего героя. "Чем крупнее завод, тем больше рабочих, а значит, и населения, и тем скорее я стану настоящим Городом", — думал Он. И постепенно его предчувствия начали оправдываться.

Сельские улицы заасфальтировали, что вызвало недовольство у местных коров, не привыкших бить копыта о твердое покрытие. Впрочем, до забастовок не дошло, так как в связи с отсутствием выгона поголовье крупного рогатого скота вскоре сократилось до одного зоотехника.

Главную улицу переделали из отрезка бывшего стратегического шоссе и превратили затем в пешеходную зону. Чтобы не ломать стратегию, иностранец проложил обездвиженную дорогу, заставлявшую чертяться всех дальнобойщиков. За шоссе худо-бедно следили, а обездвиженная дорога никакой сметой не предусматривалась. На центральной площади, расположенной, естественно, в центре, воздвигли трехэтажную "высотку" мэрии с городскими часами на башне и чугунной табличкой "Мерия". Табличку отлили с орфографической ошибкой, но переделывать никто не стал. Наоборот, местные жители чрезвычайно гордились достопримечательностью, справедливо полагая, что такой ошибки нет больше нигде на просторах когда-то великой страны.

И бывшее село стало как две капли воды напоминать рабочие поселки на родине иностранца. На иностранчине такие поселки назывались городами, и наш герой приготовился с гордостью носить это имя.

Но недовольные всегда найдутся. Поползли слухи, что завод чрезвычайно опасен, и именно поэтому иностранец решил построить его здесь, а не у себя дома, где такие вредные производства запрещены.

Чтобы пресечь слухи, завод объявили секретным, и с поступающих на работу стали брать подписку о неразглашении.

Фото Евгения Волокина

Кто-то сообразил, что секретным заводом не может владеть иностранец, и последнего сократили, впрочем, выплатив ему изрядную компенсацию.

Поселок все эти события волновали мало. Для него было главным, что сам Он рос, жителей становилось все больше, а его имя стало известно далеко за пределами, причем не только стараниями обиженного иностранца. Единственное, что огорчало нашего героя, — пресловутая формулировка "городского типа", от которой никак не удавалось избавиться.

Шли годы. Завод, теперь уже национализированный, успешно функционировал на иностранном оборудовании, платил своим работникам зарплату и строил жилье, школы, детские сады. Однажды по просьбе Поселка он воздвиг огромный Дворец культуры, который местные жители тут же стали называть *Наш Оперный* и рассказывать, что подобного ему нет на всей европейской части. С тех пор Завод и Поселок подружились, и их даже начали путать. Наш герой поделился с приятелем своей заветной мечтой, и тот обещал помочь. Они вообще старались помогать друг другу, особенно в трудные времена. А те вскоре и наступили.

Менялась страна, деньги, памятники. Как-то вдруг выяснилось, что раньше Поселок назывался Селом, Хутором, и даже Куренем. Появи-

лись люди, предлагавшие вернуть исторические названия, но с этим Поселок смириться не мог вплоть до легких земельных трясений.

Другие историки откопали, что именно в этом селе задушили одного русского императора. Зачем царю понадобилось переться через всю империю, чтоб принять удушение именно здесь, — этим вопросом историки себя не утруждали. Они даже предложили поставить царю памятник, не столько из любви к самодержавию, сколько из нелюби к северному соседу. Против этого Поселок не возражал, справедливо полагая, что в настоящем Городе памятников должно быть много.

С номерного предприятия через многочисленные дыры в заборе постепенно вынесли все секреты. В конце растащили и сам забор, а с массивной чугунной вывески "Почтовый ящик №..." сбили номер, тем самым усугубив секретность. Посреди выгона осталась стоять проходная, охраняемая столетним дедом.

Дедок стоял насмерть со дня основания завода и пережил всех директоров. Увольнять старика боялись, так как на лацкане ветерана красовался значок "50 лет ВЧК-КГБ", и по его собственному утверждению: "Мне сам Феликс Эдмундович пропуск предъявлял". Сомневающимся дед предъявлял замусоленное до полной обезли-

ченности удостоверение, которое могло бы оказаться читательским билетом в местную библиотеку, если бы: а) дедок умел читать и б) на корочке не красовалась собственноручная подпись: "Ж. Феликс". Подпись крепкий старик регулярно подновлял послушавленным чернильным карандашом.

Завод же, несмотря на большие перемены, продолжал действовать и приносить стране изрядную прибыль. Он даже, чтобы порадовать друга, сделал ему ко дню рождения подарок — красивейший каскадный фонтан, которому позавидовал бы даже Петергоф. И как оказалось, этот фонтан пролил последнюю каплю на мечту нашего героя.

Бьющие в небо струи, а вместе с ними и завод заметили наверху. "Как же так? — подумали выше. — Есть нечто, которое приносит абстрактную прибыль, а не конкретные бабки. Непорядок".

И завод выставили на аукцион. А поскольку возникли опасения, что покупателей, готовых платить конкретные деньги за изношенное оборудование, не найдется, решили повысить привлекательность лота, изменив статус его месторасположения.

И на въезде со стратегического шоссе вместо опостылевшей нашему герою таблички: "Поселок Городского Типа" появился новый гордый выполненный на государственном языке указатель "Місто ПГТ".

Сотворение Слова

Вначале было Слово. И Слово это состояло из букв.

А буквы вначале были маленькие и беспомощные. Как все дети. Они слепо тыкались по сторонам, ударились о препятствия и постоянно кричали. И самыми приличными из этих криков были "а", "о", "у", "и", а самыми неприличными — "ё".

Поэтому среди букв большинство составляли гласные. И это правильно. Вы пробовали когда-нибудь прокричать согласную?

В пустоте от этой "гласности" царил непрерывный шум и гам. И Слово в этом вселенском гвалте родиться, естественно, не могло.

Но были и другие буквы. Те, как правило, молчали, упорно преодолевали жизненные невзгоды, лишь

изредка, когда совсем невтерпех, издавали нечленораздельные звуки. Их было гораздо меньше. И это тоже понятно. Очень немногие согласятся всю жизнь молчать и терпеть. Эти буквы назывались согласными.

Шли годы, века, тысячелетия. Для сотворения Слова это совсем немного. Гласные выросли, старели и затихали в бозе. Одни — израсходовали на бесполозный крик всю отведенную им жизненную энергию. Другим помогали уйти — мало кому нравится, когда что-то слишком часто нарушает всеобщее благоденствие своим громким и мерзким голосом. Эти, как правило, долго не живут. А некоторые, набравшись опыта, начинали меньше

кричать, и их возгласы становились краткими, йотированными, будто пришибленными сверху какой-то шляпкой.

А согласные молча тянули свою лямку, и если даже кто-то из них умирал, об этом мало кто знал.

Количественное соотношение между буквами постепенно менялось. Вначале гласные сравнивались с согласными, потом их стало меньше, еще меньше, совсем мало. Слова от этого тоже становились короче и непонятнее.

И когда исчезла последняя гласная буква — "о", и Слово стало писаться через черточку — Б-г, родился самый древний алфавит. И этим алфавитом начал пользоваться народ, который умел терпеть и молчать.

Но пользовался он им только на бумаге. А в обычной жизни от этого народа по-прежнему стоял вселенский шум и гам.

Заголовок к новости

НОВОСТЬ: Губернатор Одесской области Николай Сердюк ушел в отпуск на две недели.

ЗАГОЛОВОК: Если невиновен — отпусти

НОВОСТЬ: В отношении директора КП "Сервисный центр", которое обслуживает пруды в парке Победы, возбуждено уголовное дело.

ЗАГОЛОВОК: Директор изменившимся лицом бежит пруду

НОВОСТЬ: Съёмки телевизионной передачи "Караоке возле Дюка" пройдут на Приморском бульваре в Одессе.

ЗАГОЛОВОК: Что слышно у Дюка с люка Дюка

НОВОСТЬ: Грузовой фургон на-

против супермаркета "Таврия В", разворачиваясь задним ходом, сбил человека, стоявшего на тротуаре.

ЗАГОЛОВОК: Бойтесь фуристов, еду развозящих

НОВОСТЬ: Более 20 тысяч одесситов отказались сделать профилактические прививки своим детям.

ЗАГОЛОВОК: Минус всеобщая иммунизация

НОВОСТЬ: Председатель Одесской областной государственной администрации Николай Сердюк намерен через Президента наказать чиновников за плохое наполнение сайта облгосадминистрации.

ЗАГОЛОВОК: Из Президента по воробьям

Редактор Евгений ГОЛУБОВСКИЙ.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Ответственность за точность сообщаемых фактов несут авторы. Взгляды редакции не всегда совпадают с точкой зрения авторов.

Дизайн и компьютерная верстка: компьютерный центр ТИА "Вікна-Одеса" (тел. 372-572).

Регистрационное свидетельство N 508. Тираж 1000. Заказ N 88. Газета отпечатана в ИПП "Печатный дом".

Адрес редакции: 65014, Одесса, ул. Маразлиевская, 7. Тел. 725-45-67, 725-53-68 www.odessitclub.org.